

ДМИТРИЙ ЛЕОНЕНКО



Борьба с фантастикой



КЕМЕНТАРИЙСКАЯ  
ОРБИТА

## Annotation

2753 год. Студент-агроном Красноярской Республики Димер и не предполагал, что столкновение между Красноярском и могущественной клиентелой Владирос превратит его в беженца, а не менее могущественная клиентела Орбиталь захочет отправить к далеким звездам. Но ему приходится присоединиться к программе межзвездной колонизации, чтобы обрести новый дом на далекой планете Кементари.

Тяжелый труд, лишения и риск ждут колонистов. Но страшнее всего – угроза изнутри. Чтобы спасти колонию и любимую женщину, Димеру придется остановить раскол и кровавую междуусобицу среди поселенцев...

---

---

# Дмитрий Леоненко

## Кементарийская орбита

Серия «Боевая фантастика»

© Дмитрий Леоненко, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

\* \* \*

*Посвящается Светлане*

*Никогда мой дом не считался бедным, и я лучше уеду отсюда, чем потеряю свое достоинство, лучше покину страну, чем обещаю свой род. Я хочу принять предложение Эйрика Рыжего, моего друга, которое он сделал мне, когда мы расставались в Брейдафьорде. Я хочу этим летом отправиться в Гренландию, если это мне удастся.*

*Торбьерн Вифильссон, «Сага об Эйрике Рыжем»*

Солнце еще не поднялось из-за покрытых темной малахитовой травой холмов, когда Попрыгунья отправилась на утреннюю охоту.

Попрыгунью разбудило мяуканье летучей кошки, свившей себе гнездо в кустах над ее логовом. Она сладко зевнула, потянулась, взъерошив шерсть. Прошлась длинным языком по плечам и животу. Поднявшись на задние лапы, всадила длинные когти передних в кору рамисага и снова потянулась. Приспособленные для захвата и убийства добычи десять острых лезвий скользнули по стволу, обнажая длинную полосу луба.

Под черным с зелеными полосами мехом перекатились могучие мышцы. Опираясь на свой толстый хвост, Попрыгунья вытянула шею, завертев головой. Ей снилось, как мать приносит в гнездо добычу, и Попрыгунья торопливо наслаждается теплым мясом. Сон ушел, изгладившись из памяти и оставив после себя чувство голода.

Прошло два года с той поры, как когти Попрыгуньи пробили кожуру ее яйца, и год с того дня, как мать выгнала юную Попрыгунью из гнезда. Она, разумеется, не скучала по матери – собственно, она уже начала забывать родительский дом, но порой воспоминания оживали в ее зыбких сновидениях, и тогда Попрыгунья сонно поскуливала и урчала, свернувшись клубком на подстилке из ветвей.

Сейчас Попрыгунья находилась в самом расцвете сил. Она еще не отложила собственную кладку, но весной, если с ней не произойдет никакого несчастья, ей предстояло найти подходящего самца и после долгого ритуала ухаживания (в любое время, кроме сезона гона и созревания яиц, встреча двух сородичей Попрыгуньи кончалась дракой и изгнанием пришельца с охотничьей территории) вместе с ним устроить гнездо и снести одно или два крупных кожистых яйца. Но сейчас было душное и теплое раннее лето, и Попрыгунью гораздо больше интересовала охота, преследование и вкус свежей крови, чем любовные игры.

Летучая кошка негодуя заворчала, когда Попрыгунья вновь принялась точить когти о рамисаг. Та вскинула голову и рыкнула, заставив соседку испуганно взвиться в воздух. Опустившись на другую ветку, повыше, летучая кошка принялась возмущенно жаловаться темному утреннему небу на жизнь.

Не обращая внимания на мяуканье в вышине, Попрыгунья смотрела в небо. Звезды понемногу гасли, сине-полосатый полумесяц в вышине медленно тускнел.

Чего-то не хватало. Какой-то детали, появившейся совсем недавно.

Попрыгунья была умна и внимательна. Плотность нейронов и число нервных связей в ее мозгу приближались к граничным показателям, в пределах которых газообмен сквозь кожистую скорлупу яйца мог обеспечить кислородом растущий мозг зародыша. Система вентилируемых воздушных канальцев в стенках яйца еще больше раздвигала эти пределы (иссушая при этом яйцо, что заставляло самок строить гнезда неподалеку от водопоя и неустанно увлажнять кладки). В результате умственные способности Попрыгуньи примерно соответствовали таковым у крупной собаки. Этого хватало, чтобы заметить столь явную неправильность в небе над головой – или ее отсутствие.

Попрыгунья привыкла, что небо над ее головой регулярно изменяется. Солнце всходит и заходит, а совсем редко – меркнет и превращается в тусклое красноватое колечко. Яркий голубой месяц в синюю полосу убывает и растет, выкатывается из-за горизонта и

опускается за него же. Вспыхивают падающие звезды. И на такую мелочь, как появление еще одной звезды, она не обратила бы внимания.

Не пылай эта звезда ярче всех прочих – и не пульсируй она в стремительном ритме ослепительных бело-голубых вспышек.

Попрыгунья не привыкла ждать опасности сверху. Она знала, что ее когти и зубы слишком опасны даже для крупнейших летунов. Лишь смутное воспоминание о том, как мать вскидывала голову и грозно рычала, когда гнездо с новорожденной Попрыгуньей накрывала тень крыльев, заставляло ее подолгу рассматривать скользящую по небу яркую мигающую точку.

Оно – да еще острое юношеское любопытство.

Теперь звезда исчезла, и Попрыгунья ощутила что-то вроде разочарования. Но тут ее зоркие глаза уловили движение на речном берегу – и Попрыгунья мигом забыла о разгорающейся заре, небесах и светилах.

Фыркая, топая и скребя когтями землю, четверо касси приблизились к воде. Первым был старый самец – перед этим внимательно взглядевшись, не мелькнет ли среди ила и стеблей грозная крылоголовая тень. Убедившись в отсутствии опасности, вожак наклонил голову к воде и, вытянув сквозь красную роговую решетку мясистые губы, принялся хлебать с шумом и плеском. Двое животных помладше затеяли игру, толкаясь плечами и вполсилы обмениваясь ударами рогов.

Попрыгунья алчно облизнулась. Увы, от детенышей было слишком близко до рогов и когтей старшего касси. Она превосходно знала, куда следует вонзить когти, чтобы рассечь уязвимую шейную артерию именно в том месте, где она не прикрыта головной решеткой. Но знала Попрыгунья и о цене ошибки. Стоит ей чуть промахнуться – и ее прыжок встретит косой удар массивной головы, надежно защищенной алым переплетением роговых пластин и увенчанной шестью острыми рогами. На такую опасную добычу, как касси, Попрыгунья рискнула бы напасть лишь от бескормицы или встретив ослабевшее животное.

К счастью, Попрыгунья знала много других возможностей раздобыть себе завтрак.

Покинув лежку, она направилась вниз по течению – туда, где две реки, большая и малая, сливались воедино, образуя широкое водное пространство. Сильные задние конечности несли Попрыгунью вперед, массивный хвост покачивался, уравнивая вес передней половины тела. Остановившись, Попрыгунья выпрямлялась, опираясь на хвост, и тогда ее голова поднималась почти на два с половиной метра от земли.

И при всем том Попрыгунья оставалась молодым и некрупным животным, ее организм продолжал расти – и двигалась вперед она легким припрыгивающим аллюром. Порой даже специально взвивалась в воздух, наслаждаясь собственной силой и сноровкой. Позже, когда Попрыгунья заматерееет, подобная легкость станет ей недоступна, но пока она беззаботно скакала сквозь заросли иглицы и многочисленные рамисаговые рощицы.

Порой над ее головой хлопали перепончатые крылья, и красно-золотые летуны испуганно кричали вслед. Иногда она сама не отказывала себе в удовольствии вспугнуть стайку киринок, но сейчас Попрыгунья охотилась и не собиралась отвлекаться на игры. Со стробила на стробил белыми пятнышками перепархивали псевдобабочки, жужжали стрекозы.

Солнечные лучи озарили полуостров, окрасив небо в густой синий цвет. По дороге Попрыгунья разжилась неосторожным шишкоедом, но такой маленький кусочек мяса лишь раздражил ее аппетит. Поэтому, услышав из кустов хрюканье и фырганье стаи купологлавов,

она облизнулась и припала к земле, не желая спугнуть добычу раньше времени.

Бивни купологлавов вонзались в землю, выбрасывая наверх червей, жуков и сочные белые корни папоротника, хрустящие на их плоских коренных зубах. Это стадо слишком далеко отошло от гнездовья киринок, чтобы их предупредили испуганные голоса летунов. Попрыгунья была, конечно, чересчур велика, чтобы подкрасться незаметно, но ей не было в том нужды.

Оглушительный рык Попрыгуньи пронесся над рекой. Купологлавы испуганно взвизгнули, бросаясь прочь. Попрыгунья рванулась вперед чуть раньше, мышцы заходили под кожей, сердце забилось чаще от азарта и предвкушения погони.

Красно-коричневые спины мелькали среди листьев и хвои. Купологлавы бежали быстро, но Попрыгунья легко развивала в беге до пятидесяти километров в час – и удерживала такую скорость по полчаса, легко догоняя резвых нахарамнов. К тому же она гнала купологлавов в сторону пляжа, где с ней и подавно никто не мог тягаться.

Трава расступилась. Бегущий последним купологлав истошно завизжал, уже чувствуя на затылке дыхание Попрыгуньи. На бегу он метнулся в сторону, но Попрыгунья угадала его маневр и в рывке сшибла ударом когтистой лапы. Длинные сильные челюсти Попрыгуньи сомкнулись – и предсмертный визг купологлава сменился хрустом ломающихся костей.

Покончив с трапезой, Попрыгунья сыто облизнулась. Вновь занялась туалетом, тщательно приводя в порядок атласный черный мех. От разлива дул прохладный ветер, но ближе к полудню полуостров должна была окутать влажная жара. На севере вставала облачная гряда, предвещающая дождь, впрочем, прогноз погоды находился далеко за пределами мыслительных способностей Попрыгуньи. Вытянув лапы и подобрав под себя хвост, она расселась на песке, облизывая передние лапы и вычищая свой пушистый синеватый живот и окровавленную черную манишку.

Слух Попрыгуньи был почти таким же острым, как и зрение, поэтому пришедший с небес тихий гул она уловила довольно скоро. Недоуменно встала, сторожко вскинув уши. Увидела приближающуюся со стороны большой реки белую полосу, пересекающую темно-синее небо.

Попрыгунья с любопытством склонила голову, наблюдая за растущим инверсионным следом. Гул рос, превращаясь в грохот. Виверниды испуганно вскричали, срываясь с ветвей. Далеко отсюда касси-вожак покосился на крылатую тень, за которой тянулся хвост белого пламени, и перешел на быструю рысь, уводя свою стаю прочь от полуострова.

Но Попрыгунья осталась на месте.

Это был ее охотничий участок. Ее территория, и она не собиралась отдавать ее без боя. Она не боялась тех, кто мог атаковать с неба – даже если оно грохотало и рычало, как целое стадо касси.

Стальной треугольник качнулся, подставляясь под набегающий поток и снижая скорость. За кормой протянулся белый купол тормозного парашюта. Донные дюзы пробудились, и машина встала на огонь. Попрыгунье не доводилось до этого видеть лесной пожар своими глазами, но полыхающее в небе голубое пламя пробудило в ней древние инстинкты. Она шагнула назад, еще и еще. Хвост бешено бил по сторонам, вздымая песок. Стремление защищать территорию и инстинкт самосохранения боролись под ее черепом.

Грохочущий и пылающий пришелец завис над берегом. Электроника проанализировала тип поверхности и выдала рекомендацию совершить посадку правее. Пятитонный аппарат медленно пошел вниз, выдвинулись стойки шасси. Не совсем гладко – одну из них

заклинило, но перекося оказался небольшим. Спускаемый аппарат, чуть наклонившись, замер в двадцати метрах от опушки редколесья.

И в сотне метров от Попрыгуньи.

Человек назвал бы Попрыгунью не только любопытной, но и бесстрашной до патологии. Она подалась к месту посадки, внимательно рассматривая спускаемый аппарат. Чужак больше не грохотал и не плевался пламенем. Теперь, когда он спокойно замер у воды, он даже не казался живым. Скорее, необычно пахнущим камнем.

Попрыгунье все еще очень хотелось убежать – но, не в силах бороться с любопытством, она двинулась вперед. Очень осторожно, готовая в любой момент броситься наутек. Сократив расстояние примерно на половину длины, она прижалась к песку, внимательно рассматривая машину и надписи на двух языках вдоль ее когда-то белого, а сейчас – потемневшего и пошедшего разводами борта.

Из недр спускаемого аппарата на Попрыгунью уставилась скан-матричная камера. Конечно, зонд не мог похвастаться таким же уровнем интеллекта, что и Попрыгунья. Он вообще был довольно глуповатым механизмом, предназначенным для получения максимально подробных и многочисленных изображений, записей и результатов анализов. Выполняя программу первичного обследования места посадки, лендер сфотографировал Попрыгунью, превратил изображение в набор электронных импульсов, а его – в пучок длинных радиоволн, отправленный на орбиту.

В десятках тысяч километров над полуостровом более продвинутый электронный мозг, заключенный в сорокаметровом металлическом контейнере (все, что осталось к концу пути от укутанной многослойной абляционной теплоизоляцией металлической машины с парой небоскребов величиной), обработал изображение и пометил его как «крупное животное (предположительно) / геологическая формация (маловероятно)». Даже по сравнению с ним Попрыгунья была интеллектуалкой. Она бы никогда не спутала каменную глыбу и одного из своих сородичей. Впрочем, плоское изображение было бы для нее лишь комбинацией пятен.

Попрыгунья оставалась у спускаемого аппарата еще долго, лишь изредка отлучаясь, чтобы поохотиться. Она наблюдала, как вылетают из его недр крохотные жужжащие устройства, с любопытством провожая их глазами. Позволила одному дрону подлететь поближе и облететь вокруг себя, прежде чем отмахнуться от него лапой. Посмотрела, как взмывает ввысь сигара микродирижабля. Долго следила за спустившимися на поверхность планеты двумя гусеничными и двумя шагающими платформами, прежде чем попробовать одну из них на зуб. Платформа оказалась невкусной, и разочарованная Попрыгунья оставила ее валяться среди зарослей бочкообразных растений с широкими опахалами листьев на верхушках.

На орбите станция исправно принимала информацию от четырех поверхностных и восьми низкоорбитальных комплексов, обрабатывая, сортируя и сводя ее воедино по мере своих невеликих возможностей. Лазерный луч уносил выжимку полученных данных сквозь световые года обратно к крохотному желтому карлику, от которого сотни лет назад начал свой путь зонд.

Компьютер не знал, что одно из государств, отправивших его в полет, давно перестало существовать, а второе – изменилось до неузнаваемости, и данные о древнем проекте давным-давно стали достоянием истории. Он посылал данные, не заботясь о том, что они уходят в пустоту. В его матрицах и логических ячейках не было места для подобных мыслей.

Попрыгунья устроила лежку у спускаемого аппарата и наблюдала за странным

визитером в свой мир еще много недель, даже в пору зимних засух. Только с приходом весны она ощутила зов природы и покинула свой пост ради более насущных дел.

А потом ей и вовсе стало недосуг. Два больших голубоватых яйца требовали постоянного дежурства у гнезда – для защиты от хищников, для увлажнения скорлупы. И пока избранник Попрыгуньи приносил ей изловленную добычу, она сама без устали носила от реки воду в пасти, тщательно смачивая кладку, переворачивала яйца, рыхлила подстилку. Когда же мягкая скорлупа лопнула и четыре внимательных черных глаза уставились на Попрыгунью – она окончательно распрощалась со своим юношеским любопытством.

Тем временем зонд продолжал выполнять поставленную задачу. Давным-давно отказали наземные комплексы и сошли с орбиты спутники, но лазерные сигналы по-прежнему мчались к Земле. Год за годом, век за веком.

Пока однажды не нашлись те, кто их принял и расшифровал.



# Глава 1

– Леоненко Дмитрий Николаевич, схолферм, – чиновник за стойкой со скучающим видом провел моим айдимом по панели, дернул пальцем, прокручивая список.

– Направление на работы отсутствует, – отозвалась система синт-голосом. – Продовольственный статус откорректирован. Выдача рациона подтверждена. Проследуйте в ПВР для ожидания выдачи рациона.

Обычное дело. Редко кому удается получить официальное направление хотя бы на временную работу. К счастью – пока еще кормят. Пусть рацион и состоит по большей части из отдающей кислым молоком агентировки. В сети все чаще всплывают – лагерные контент-фильтры, управляемые откопанными где-то в залежах ранних поколений модер-ботами, представляют собой одну большую дыру – увлекательнейшие дискуссии о присвоении нам «неактуального статуса». Зажатая в тисках двух сильнейших ГОК Евразии, Красноярская Республика явственно перенимала не лучшие черты конкурентов.

Несколько лиц в очереди повернулись в мою сторону, когда я двинулся к выходу из конторы. Безо всякого интереса, впрочем. Я не первый покидал очередь несолоно хлебавши. Общеизвестно было – рассчитывать на распределение в жилые блоки и рабочее место можно, либо обладая крайне востребованными на рудничных платформах Норилья и Жилинды навыками, либо договорившись с «вахтерами». Последнее стоило денег. Копеечных. Для обитателей Талнаха – неподъемных. Первое к недоучившемуся конструктору биоаркоценозов не относилось.

Стоило откинуть термосетку, и промозглый северный ветер хлестнул как ножом. Раскисшая земля с чавканьем втягивала в себя подошвы ботинок. Айдим надсадно пискнул, требуя не отклоняться от маршрута следования.

Дурость. Проверить, нет ли твоей фамилии в списке счастливиц, можно было и из барака. Дважды в день наведываться в офис заставляла нас только косность администраторов. А может, и паранойя. Не исключено, что таким способом начальство лагеря проверяло, не присутствуют ли некоторые из перемещенцев в бараках лишь виртуально, устроившись на нелегальную работу или пополнив собой ряды мобильных банд.

Если и так, то непохоже, чтобы эта проверка была очень уж эффективна.

Я влился в жидкий ручеек товарищей по несчастью, тянувшийся между вздувшимися полуцилиндрами хабов. Полиэтиленовые телогрейки не спасали от мелких брызг, оседавших на лицо. Низкое, серое небо навалилось на лагерь, от прудов доносился чудный букет запахов – канализационная вонь, смешанная со слабым духом антисептика.

Я слишком глубоко задумался о нерадостных слухах. Пропустил момент, когда впереди раздался испуганный крик, тут же подхваченный десятками глоток. Спины людей мигом расступились, перемещенцы бросались в стороны, торопясь свернуть в узкие проходы между бараками. Я вскинул голову, оторвав взгляд от крохотной панели айдима, и стоящий передо мной человек улыбнулся светлой, радостной улыбкой, обнажив выкрошившиеся зубы. Босые ноги глубоко утопали в холодной грязи, крохотные язвочки между бровей и у крыльев носа открылись от улыбки, капелька крови повисла на носу.

– Какое красивое облако, – громко произнес он, обращаясь ко мне. Вскинул руку, будто указывая на предмет своего восторга. – Да посмотри же ты!

Я не стал ждать, пока эйфилитик сделает последний, гибельный шаг ко мне. Бросился

прочь, вслед за остальными, разбрызгивая грязь по телогрейке, торопясь укрыться за углом хаба. Зацепился за торчащий кусок бетона, полетел лицом вниз, успел выставить руки, неловко вскочил. Обернулся – и увидел, как недоуменно смотрящий мне вслед эйфилитик с коротким хлопком нелепо дергается вперед, падает навзничь и вода вокруг его головы быстро становится мутно-красной.

Широкоплечая фигура «вахтера» в дальнем конце дорожки убрала пистолет за пазуху, извлекла айдим. Бросила в него несколько слов. Расположенная на соседнем бараке «шпарилка» крутнулась, нацеливаясь на тело. Раздалось высокое гудение, и эйфилитика окутали клубы горячего пара.

Медленно, стараясь не привлекать внимания, я попятился прочь. Уйти отсюда, уйти как можно скорее. Прежде чем появились санработники и охранники в защитных костюмах. Потом медики, конечно, проверят местонахождение айдимов всех, кто общался с зараженным, но эйфилитик не приближался ко мне ближе пяти метров. Есть шанс отделаться предохранительной прошивкой, а не заключением в карантинную зону.

Я так и не пристрастился к куреву, но при виде Гайка, торопливо смолящего с парой своих якутских корешей одну на троих сигарету, невольно позавидовал ему. Обдирающий горло дым, должно быть, позволял хоть ненадолго забыть и долетавший смрад, и стоявший внутри хаба густой аромат немытого человеческого тела. И скрыть трясущиеся руки от любопытных взоров.

Протолкаться, поминутно задевая чьи-то ноги, между тесными рядами коек. Сбросить телогрейку на крючок зарядки, сунуть в карман айдим. Разуться, вскарабкаться на свое ложе. Вытянуться и закрыть глаза, стараясь не обращать внимания на вонь. Скоро она перестанет ощущаться.

Ошутимый удар по плечу привел меня в чувство. Проклятье.

Вскинувшись на локте, я различил внизу три, увы, хорошо знакомые физиономии.

– Спишь? – недобро поинтересовался Серыс. – Слазь.

На соседних койках понимающе отводили глаза. Маленький спектакль, разыгрывающийся на нашей сцене почти ежедневно. Я потянулся за айдимом. Обреченно вздохнув, перекинул ноги через край койки. Очень хотелось от души пнуть по отъевшейся косоглазой харе.

Дураком я не был.

Резкий рывок сдернул меня вниз, так что плечом я со всей силы врезался в коечную опору. Кто-то из приятелей Серыса хохотнул.

– Голубь ты сизокрылый. – Серыс говорил без особой злости. – Расслабляешься, смотрю? Совсем забывчивый стал, что?

Молча я отомкнул айдимом шкафчик. Извлек накопленный сигаретный паек – две пачки. Вложил в требовательно протянутую лапу.

– Умный! – восхитился Серыс. – Ну раз умный, что надо сказать?

– Извини, – выдавил я. – Не выспался. Забыл. С утра бегал на раздачу.

– Извиняю. – «Сохатый» упрятал пачку себе в карман, вторую бросил подельникам. В следующую секунду жесткая крышка тумбочки впечаталась в мой подбородок. Я попытался вскочить, но второй удар отбросил меня на нижнюю койку.

– Как сходил? – поинтересовался Серыс, дождавшись, пока я перестану хватать ртом воздух.

– Никак, – выдавил я. Рука сама потянулась к вшитому в подкладку острому

металлическому уголку. И отползла обратно. Дураком я не был.

– Ну и дурак, – выдал ошибочное заключение, тем не менее, Серыс. – Знаю пацанов – за пятерку впишут тебя на клатраты. Через недельку будешь калымить в Норильмане, а не жрать тут агенту. Ты гляди – зима, ежить ее, близко. Лагерь, говорят, бросят на неактуалке – уяснил, тюмка?

– Денег нет, – сквозь разбитые губы выговорил я. Что было чистой правдой.

– Дурак, – подытожил «сохатый». Утратив ко мне интерес, направился в глубь барака. Я обтер струйку крови, бегущую по подбородку.

Занятно. Отчасти я был даже благодарен ублюдкам. Теперь бьющую все тело дрожь и бледность в лице есть на что списывать.

– Скоты, – шепотом пробормотал мой сосед, Айян, бывший студент-инфотехник какой-то из екабургских субклиентелок. Как и нас, их территорию прожевал и выплюнул каток владиросской оптимизации. – А слышал, Димер? Позавчера в шестом хабе «вахтера» «сохатого» забили. Прямо после отбоя. Зашли, сняли с койки и запинали.

– Вранье, – вяло отозвался я. Хотя в слухи хотелось поверить. – У этих сук с «вахтерами» все схвачено.

– Может, – оживился Айян. – А слышал еще? В женском лагере вчера сел кольцевик. Врубили внеочередную раздачу, вызвали баб в офис в половину третьего ночи и полчаса прогоняли через медблок. Потом десятка три усадили в кольцевик и увезли.

– Молодых?

– Ага. Никого старше двадцати пяти не забирали.

– Ну и чему удивляться? – я хмыкнул. – Может, в Нориле будут раньше нашего. Тоже работа, и хоть с голоду не сдохнут. Хотя... жалко девчонок, – я не стал договаривать очевидного – что ждет отобранных даже не норильский бордель, а, скорее всего, лишь пьянка лагерной администрации.

– Погодь, – Айян приподнял руку. – Кольцевик был знаешь чей?

Я пожал плечами.

– Неужели арбитражный?

Айян ухмыльнулся.

– Бери выше, – он закатил глаза.

Я лишь покачал головой.

– Арктаны? – предположил наугад.

– Выше, – со значением повторил Айян. Я отвернулся. Настроение было не то, чтобы играть в загадки.

– Орбиталь, – раздалось за моей спиной.

Невеселый смешок вырвался из груди, перейдя в кашель.

– Конечно, – выговорил я, откашлявшись. – На ХЕПОС-Монтажной среди персонала эпидемия острого вирусного спермотоксикоза. А так как все бордели Кито поражены сетевым дарвином и закрыты на профилактику с инвентаризацией, спейсеры обращают свой спутниковый взор на далекий Талнах.

– Смейся, смейся, – обиженно ответил Айян. – За что купил, за то и продаю. Кольцевик видели многие, девчонок в офис гоняли – вот за это ручаюсь. А про орбитальщиков – черт знает.

– Идешь на кормежку? – сменил я тему разговора.

– Рановато, – Айян привычно покосился вправо, затем, спохватившись, вынул айдим.

– Постоим, – я пожал плечами. Лучше уж отстоять лишних пару часов в очереди, чем успеть аккуратно к показавшим дно котлам. И без того корректируемые в сторону уменьшения порции упрямо не хотели соответствовать в количестве попадаемым в файлы лагерного начальства цифрам.

Однако вспомнилось другое срочное дело. Я выудил из тумбочки смену белья, прошел к раковине – слава богу, свободной в это время суток. Подтвердив расход воды с айдима, сунул замызганную одежду под кран, тонкая струйка мыльного раствора разбрызгалась по ткани. Засек время и принялся тереть штанины друг об друга, пытаюсь отчистить вьевшуюся грязь.

– Б... Пошел ты в баню со своей стиркой, – посоветовали с соседней койки, когда брызги грязной воды долетели до нее. Я промолчал, снова глянул на айдим. Выделенное на умывание время истекло, а водный лимит – нет, и кран снова выдал струю воды. Что ж... по крайней мере, одежда стала чуть чище, чем была. Отжав барахло, я пристроил его на краю койки, понадеявшись, что никто не скинет его на пол за время моего отсутствия.

Час спустя мы с Айяном и Гайком и еще парой сотен перемещенцев сгрудились у обшарпанной стойки пищеблока. Скучные порции ароматизированной агентировки шлепались в бумажные миски, поверх ютились прозрачные ломтики прессованного хлеба и чанины. Дождавшись своей очереди, я отнес миску к расположенному ближе к выходу столу – под продувающий сквозняк, зато подальше от «сохатых», включая Серыса с приятелями.

Вкусовыми качествами каша похвастать не могла, но одного достоинства у обеда было не отнять – он согревал желудок. Я вытащил айдим, пробежался по норильскому сектору сети в поисках свежих новостей. В новостном портале пережевывали китайские события, общий тон обсуждений сводился к опасливому ожиданию – при всей богатой и кровавой истории отношений между Красноярском и Пхеньяном, в сравнении с таблигитами корейцы выглядели куда меньшим злом. На нашем черном портале эта тема тоже крутилась, кто-то даже полшутя предположил, что не сегодня-завтра весь лагерь скопом зачислят в ряды Самозащиты и пошлют со смартами в руках, словно наших праотцов в две тысячи сто третьем, крепить оборону под Хабаровск. Всплыл и озвученный Айяном слухок о загадочном кольцевике, то ли орбитальском, то ли все-таки арбитражном, немногочисленные очевидцы и очевидицы, как и положено, расходились в показаниях.

До последнего я оттягивал чтение темы, посвященной сегодняшней встрече. Пока не сказал себе, что незнание ни от чего меня не спасет, и решительно кликнул мигающую сигну.

Пробежал скупые строчки глазами, чувствуя, как страх медленно отпускает. Должно быть, зараженный почти до конца понимал, что с ним происходит, и старался скрывать припадки неуместного веселья, радостную улыбку при виде сокращаемого рациона и восторг, в который его приводил узор трещинок на пластике стены. Лишь когда уровень эндорфинов, выбрасываемых в кровь клетками возбудителя, превысил критический порог, бедняга переступил порог хаба, уже не отдавая отчета себе в своих поступках, и отправился навстречу своей гибели. В карантин пришлось бы отправлять две трети лагеря... решить проблему перемещенцев окончательно и радикально можно было и более простыми способами. Которые, впрочем, никто и не отменял в будущем. А пока сигны предупреждений об эпидемической угрозе курсировали по лагерной официальной сетке, сообщая об опасности и инструктируя нас, как себя вести при случайном контакте с зараженными.

Чтение не могло отвлечь меня от обеда, и моя ложка уже скребла по дну миски, когда айдим неожиданно замигал оповещением.

– Димер? – Гайк обернулся.

– Подожди... – я щелкнул по сенсу. – Странно...

– Что странно? Срочная раздача.

Айдем уже настойчиво попискивал, не в силах дожидаться, когда я наконец направлюсь к лагерному офису.

С удивительной синхронностью соседи выхватили свои айдимы и уставились в них. Подняли глаза.

– Ну, Димер... – протянул Айян. – Может, ты везунчик?

Гайк промолчал, только как-то нехорошо глянул исподлобья.

– Наверняка какая-то ерунда, – проговорил я, боясь обрадоваться раньше времени. А сам уже двигался к выходу, промахнувшись миской мимо окошка утилиза, расталкивая все еще тянущуюся в дверь пищеблока очередь. Выскочив за дверь, помчался по грязи, не обращая внимания на брызги, разлетающиеся при каждом моем шаге.

Дверь админ-хаба, скрипнув, уползла в сторону, отреагировав на приближение айдима. Термосетка горячей ладонью прошлась по лицу. Все тот же офис, черные глазки камер под светолентой, лепесток «шпарилки» под потолком, высокая стойка и заслонка из бронестекла с узким окошком под айдим. Опейчар за бронестеклом оторвал глаза от панели стола, с неудовольствием покосился на запыхавшегося меня.

– По вопросу? – судя по всему, это должно было звучать как «катись на хрен».

– Леоненко Дмитрий, – проговорил я. – Явился... оповещен, – дальше не хватило дыхания, и я молча сунул айдим сквозь стерилизующую завесу. Опейчар поднял его, будто нечто склизкое и мерзкое, приложил к столу. Медленно поднял на меня взгляд.

– Пройдите в главный админблок, четвертый офис, – без выражения произнес он.

Скучающие охранники на выходе из сектора пропустили меня, даже не удосужившись сличением айдима с мордой лица, лишь вяло махнули сканером.

Центральный офис лагеря размещался не во времянке, а в каком-то старом, чуть ли не федеральной постройки здании, обтянутом паутиной пластметалликовых стяжек. За ним начиналась мешанина из серых бетонных руин, обточенных за века запустения непогодой, каких-то готовых развалиться халуп неактуалов, колючих зарослей – даже на расстоянии я узнал желтые плети одичавших мод-тыквин. Если посмотреть влево – можно было увидеть раскинувший стальные лапы бактербашен и челюсти шлакороев рудничный узел, напоминавший километровой ширины паука, прижавшегося к земле. Над горизонтом блестели на солнце верхушки высоток и микроволновых приемников Норилья, в воздухе скользили несколько черных точек квадрохаридотов СПД.

Еще на подходе к развалинам старого Талнаха я увидел собравшуюся у конторы под навесом довольно большую – человек пятьдесят – кучку перемещенцев. Ни «сохатых», ни «вахтеров» видно не было. Никого из моих соседей по хабу я тоже не заметил. Дымили папиросы, люди тихо переговаривались между собой.

Судя по всему, именно под навесом и находилась точка айдима. Мне навстречу прошел человек лет сорока, разодранный рукав телогрейки хлопал на ветру, и хозяин рукава неловко пытался связать между собой концы разрыва. Затем оставил эти попытки и исчез за дверью офиса.

Подождав с минуту, я тронул за плечо одного из курильщиков.

– Друг, на секунду. Что тут такое?

Курильщик обернулся.

Лоб пересекала ниточка полумесяцем изогнутого шрама, на скуле виднелась

характерная вмятина «лисичьего» клейма. Цепкий взгляд пробежался по мне, длинные пальцы затушили папиросу об опору навеса.

– Не знаю, приятель. Дернули срочной раздачей из барака. Стоим, ждем вызова. Ты из чьих?

– С четвертого хаба, – я обернулся на вход в контору. У одного из курильщиков запищал айдим, тот торопливо выбросил окурки и быстрым шагом заторопился к крыльцу.

– А до Арбитража?

Неожиданный вопрос. Я задумался.

– Димер. ТюменьАгро, схолферм, – я протянул руку.

– Почти земляки, – мой визави ответил рукопожатием. – Зови Корчмарем. ОбьВодОхрана, масбез, – мои глаза невольно скосились на клеймо.

– Да, «лисовин», – ответил собеседник на невысказанный вопрос. – Ты, выходит, из ферм?

Я кивнул.

– По этой раздаче, насколько я вижу, выдернули пищевиков и строителей, – Корчмарь обвел прислушивающихся к беседе перемещенцев. – К чему бы это?

– Продадут арктанам? – с надеждой предположил я.

– Что-то я не слышал, чтобы Арктика перекупала контракты в этом году, – с сомнением произнес «лисовин».

Я не успел ответить – айдим снова призывно запищал.

– Сейчас посмотрю своими глазами, – я попытался улыбнуться. Иные из перемещенцев проводили меня взглядами, иные безразлично отвернулись.

Я миновал длинный обшарпанный коридор, наспех затянутый пленкой. Сверяясь с айдимом, отыскал дверь четвертого офиса. Айдим уже оповестил чиновника за дверью о моем прибытии, так что стук в дверь стал чистой данью вежливости.

– Войдите, схолферм, – раздалось из-за двери.

Свет – не тускло-зеленоватый отработанных светолент, а теплое белое свечение микролюма. Стены и потолок покрывал не тусклый кондич, а настоящие активные обои, сейчас, впрочем, выставленные на однотонный рабочий фон.

– Присаживайтесь, – сидящий за панелью стола человек указал мне на кресло. Я опустился на него и почувствовал, как спинка мягко прогнулась подо мной. Последние полгода отучили меня от таких удобств, как умная мебель. Я перевел взгляд на чиновника – и едва не подскочил. На сидящем была не серая форма лагерной администрации, а черный с желтым бумажный комбинезон. На плече поблескивала знакомая по новостям эмблема – четыре перекрещивающихся золотых эллипса в круге.

– Так, – офицер Орбитали легким движением над столом прокрутил мой (очевидно) файл. – Леоненко Дмитрий Николаевич, основной ник – Димер, родился 30 сентября 2735 года в шестнадцатой хаб-группе Тюмени, родители – Леоненко Николай Михайлович и Стерлинг Наталья Ивановна. Уровень биокоррекции – дельта, генный модуль «конфуций-прим-ант» разработки ИркГеномик. В 2740 году зачислен в биологическую учебную группу субклиентелы ТюменьАгро с заключением базового двадцатипятилетнего рабочего контракта, в 2749 начал специальную подготовку по специальности «конструирование урбоаграрных экосистем». В 2753 году принял гражданскую присягу Красноярской Республики и подтвердил базовый рабочий контракт с ТюменьАгро, однако заключению веточного контракта помешали Оттавский Арбитраж и аннулирование Владиросом базовых

договоров. Перемещен согласно Закону о лицах без аккредитованного клиентажа в Талнахский пункт временного проживания. Все верно?

Я кивнул. Эти подробности, в принципе, можно было найти и в моем открытом файле, но сам факт того, что орбитальщик не поленился прочитать досье, обнадеживал...

– Тро Гарольд. ОрбитПерсональ, масейчар, – спейсер поднес руку к сердцу. Мой древний айдим не мог ответить сбросом визитки, но жест вежливости я оценил и сам ответил поклоном.

– Что Орбиталь заинтересовало в такой дыре, как Талнах? – проговорил я пересохшими губами.

– Кое-что, – Тро скупно улыбнулся. – Дмитрий, вы позволите мне задать несколько вопросов?

– На ваше усмотрение, – еще бы я ему не позволил!

– Если почувствуете себя лучше, можете закурить, – Тро щелкнул по столу, заставив стену вздуться портсигаром и прикуривателем. – Алкоголь, релаксы, эйфори – что вы употребляете, чтобы расслабиться?

Я покачал головой.

– Хочу иметь ясную голову. – Кажется, мой отказ не обидел орбитальщика, более того, он удовлетворенно кивнул.

– Квота распределения, выделенная Красноярском на перемещенный из западно-сибирской производственной зоны персонал. Вы вполне могли бы подать заявку на заключение рабочего контракта, скажем, с уланской клиентелой. Или хабаровской. Испугались войны?

Я потер ладони, выигрывая время для ответа. Посмотрел в бесстрастные, прозрачные глаза Тро.

– Ирке одиннадцать лет, масейчар. Она даже не выбрала ветку подготовки. Что бы ее ждало в лагере? А наша семейная квота включала только трех человек.

– Должно быть, такое решение оказалось довольно болезненным для ваших родителей, – взгляд Тро был изучающим. – Вам и не приходило в голову с ними связаться? Или с сестрой?

Странно. Такими дешевыми приемами мог бы пользоваться безопасник лагеря, а не масейчар Орбитали.

– Масейчар Тро, вы ведь знаете, как ужаты межсетевые трафик-менеджеры, к чему риторические вопросы? – Но внутренне я слегка напрягся. Вышерстить три моих письма и два Иркиных из глубин сетки – вопрос лишь времени, даже не лишних усилий. Другой вопрос, кому понадобится шить такую мелочь нищему перемещенцу Талнаха.

Тро слегка улыбнулся. Отпил воды из появившейся откуда-то из стола фляги-трубки.

– Дмитрий, вы когда-нибудь сталкивались с земледелием в открытом грунте?

Если масейчар хотел выбить меня из колеи неожиданной сменой темы, ему это удалось. На несколько секунд я морфнул в сбой в поисках ответа.

– Факультативно, – наконец выговорил я. – В рамках курса рекреационной экологии, плюс учебные командировки в Семиречье. Отдельного курса по нему нам не читали, но кое-что представляю.

– С чем может быть связана низкая урожайность картофеля линии «Бербанк Термал VIII» при грунтовой выращивании?

– Вопрос слишком общий, – ответил я, запнувшись лишь на секунду. – Характер почвы... кислотность, соленость, уровень температуры и освещенности... Нужно ознакомиться с

плантацией. А в каком регионе производились посадки?

– Предположим, Арка, – задумчиво вымолвил Тро.

– Переэксплуатация, истощение почв, интоксикация, – предположил я неуверенно. – Наверно, имеет смысл хотя бы на пару сезонов засеять площади злаково-аккумуляторным комплексом. Правда, мне казалось, что Арка лет сто как окончательно перешла на фитотронику?

– А если речь идет о ферралитных грунтах Бразильского плоскогорья?

– Наверно, переувлажнение, или повышенная кислотность. Можно попробовать фосфоритные, кальциевые присадки, мелиорацию. Но вообще сама линия не очень подходит под регион. С хорошим доступом к служебным сетям Норилья я бы мог...

– Достаточно, – прервал меня Тро. – Схолферм, насколько ваши допотопные республиканские убеждения помешают вам работать на ГОК?

Я проглотил просящиеся на язык едкие фразы насчет того, кто первым начал практиковать лишение актуального статуса и сколько клиентов на территории нынешнего Владироса извело все его прелести.

– Смотря на какую. Если речь идет об Владиросе или Пацифике – дело одно. Если об Орбитали или Арктике – другое.

– Рад слышать, – в уголках глаз Тро снова собрались морщинки. – На самом деле нас слабо волнуют ваши политические взгляды, Дмитрий, разве что в той степени, в какой они влияют на ваш психопрофиль. Орбиталь сугубо нейтральна по отношению к земным гособразованиям. Но да, мы намерены предложить вам рабочий контракт гражданина.

Я тоже плеснул себе воды – горло окончательно пересохло. Стал пить мелкими глотками, пытаюсь унять сердцебиение.

Уж очень щедр этот подарок судьбы.

– Зачем вам агрономы со специализацией по работе с открытым грунтом? Выращивать цветы в вакууме?

– Нет, мы запускаем новый проект по посадке лесополос на долгопериодических кометах, – улыбка Тро сделалась шире. – Вы узнаете все подробности в скором времени. Но хочу сразу предупредить – работа тяжелая, рискованная и низкооплачиваемая, а рабочий контракт заключается не на стандартные двадцать пять лет, а пожизненно. Правда, не могу вам гарантировать, что его действие не закончится гораздо раньше, чем через четверть века. Есть, впрочем, и плюс – работа будет нескучной.

– Обнадеживающе, – проговорил я. По крайней мере, подкупала искренность Тро. – Работа в космосе?

– В определенном смысле. Вам потребуется некоторая переподготовка, но это уже наша забота. Мы не хотим создавать впечатление, что загоняем вас в безвыходное положение... но наши аналитики дают девяносто два процента вероятности, что Красноярская Республика присвоит всем перемещенным лицам неактуальный статус. При том в Талнахском лагере зарегистрировано уже восемь случаев вспышечного эйфилиса, так что не исключается и введение карантинного положения. Тогда у вас не будет даже шанса прибиться к одной из мобильных банд. Боюсь, Дмитрий, наше предложение все же из тех, от которых не стоит отказываться.

– Вы не сказали сейчас ничего нового для нас, масейчар, – я положил айдим на стол. – Я согласен.

Тро пробежался пальцами по столу. Айдимы и стол пискнули, сопрягаясь в сеть.



– Доступ. Создание гражданского рабочего контракта. Форма К13-ЛС для проекта «Кементари». Шаблон «камень». Участники – перемещенное лицо схолферм Красноярской Республики Леоненко Дмитрий, трисубклиентела КементариИСПерсонал. Опознать айдим, вывести текст.

Я перевел взгляд на стол. Это была по-настоящему хорошая модель, судя по лого – «Чейслин» британской работы. Даже без очков столешница отслеживала движения моих зрачков, прокручивая страницы формы рабочего контракта.

Увы, под рукой у меня не было панели юридической субклиентелы, через которую я бы мог прогнать текст, а если бы я принялся самостоятельно продирааться через дебри многоуровневых ссылок и шаблонных параграфов, то закончил бы изучение контракта аккуратно к завтрашнему полдню. Но на первый взгляд ловушек в тексте договора не содержалось, да и к чему? Орбиталь могла просто перекупить контракты, и раз целый масейчар тратил свое время на собеседования с нами – значит, спейсерам требовалось наше содействие. Понять бы, в чем?

Я поднял глаза.

– Утверждение произведем, когда мы ознакомим вашу группу с проектом «Кементари», – произнес Тро. – Не исключено, что после презентации мобильная банда все-таки покажется вам более подходящей участью. Вам требуется вернуться в лагерь? Личные вещи, товарищи?

Я помотал головой.

– Ничего такого, о чем следовало бы беспокоиться, масейчар.

– Отлично, – Тро что-то сбросил на мой айдим. – Тогда я направляю вас на сканирование и в комнату отдыха. Презентация начнется через два часа, когда мы закончим опросы.

Медскан занял около часа, в течение которых мне ввели великое множество каких-то то ли индикаторов, то ли прошивок, прогнали через такой же новый, с иголки, сканер (судя по всему, попутно оглушив нейропунктурным лучом или наркотиком, так что точно о ходе времени я смог судить, только посмотрев затем на айдим), задали с десяток бессмысленных вопросов и заставили с нейросеткой на голове изучать странные комбинации цветов, звуков и запахов. Наконец медики спейсеров смилостивились и вышвырнули меня, выдав робу с логотипами Орбитали взамен прежней лагерной, в крохотную каморку, снабженную, однако, санузелом и экраном. На умных гамаках дремали пятеро человек, свет был приглушен.

– Схолферм, – негромко произнес кто-то с соседней койки.

Я обернулся на голос. Корчмарь приподнялся на локте.

– Они и тебе рассказывали про опасное, но, по их словам, безумно интересное предложение, от которого нельзя отказываться?

– Точно так, – подтвердил я. – И ничего конкретного. А у тебя есть какие-нибудь идеи?

– Сперва я подумал – вербуют в гвардию Кито. Но этот парень, Тро, не особо интересовался моей военной подготовкой. Зато долго выпрашивал, какими подразделениями я руководил, сколько человек имел под началом, доводилось ли сталкиваться с бунтами, занимался ли отладкой снабжения... Срань лисья, странно все это.

– И я думаю, – я присел на койку рядом с «лисовином». – А у меня выпрашивал про внешнее земледелие. Для чего это спейсерам, объясните мне?

Корчмарь промолчал, уставившись в потолок. Прочие соседи мирно дремали, и вскоре, откинувшись на койку, я последовал их примеру. В Талнахе, как нигде, я понял суть

поговорки «Не выспаться всегда успеешь».

Сигнал айдима вырвал нас из забытья. Протиснувшись к умывальнику, я брызнул себе в лицо водой, пригладил волосы мокрой пятерней. Кандидаты уже выбирались в коридор.

В лекционный зал набилось около тридцати мужчин и женщин, к счастью, все имели возможность принять душ перед началом медсканирования – помещение было явно маловато. Я принялся пробиваться через толпу к назначенному мне месту. В подлокотнике обнаружилась пластинка очков, я согнул ее поудобнее и натянул на голову.

Тро расхаживал взад-вперед по подиуму, дожидаясь, пока зал наполнится. Наконец он затворил с айдима двери, прокашлялся. Гул голосов мгновенно стих, все уставились на масейчара и фоновые обои за его спиной.

– Соискатели! – негромко и буднично произнес он, очки послушно транслировали голос. – Государствообразующая клиентела Орбитальные Предприятия приветствует вас. В обмен на вашу клятву труда и преданности мы готовы предложить вам участие в одном из самых грандиозных проектов в истории человечества.

Он выдержал паузу. По рядам прокатился негромкий шепот. За спиной Тро проявился в воздухе лого Орбитали – знаменитые четыре перекрещенных эллипса.

– Прошу простить мне то, что кажется лишним пафосом, – все так же безэмоционально продолжал Тро. – Но именно так дело и обстоит. Проект «Кементари» действительно может открыть – если нам повезет – новую страницу в истории человечества, и так далее, и тому подобное. Перейдем же к делу.

Сначала немного истории. Шестьсот девяносто лет назад агентство НАСА, субклиентела в составе Соединенных Штатов Америки, специализирующаяся на космических исследованиях, организовала впечатляющий – для того времени – проект изучения внесолнечного пространства. На гелиоцентрическую орбиту были выведены четыре крупных орбитальных телескопа, объединенные в оптикорadioинтерферометрический комплекс, предназначенный для обследования звезд и звездных систем на расстоянии до трехсот световых лет. Основной приоритет был отдан наблюдению процессов на поверхности звезд и в коронах, но изучению планетных систем также уделялся определенный интерес.

В 2066 году, как могут помнить те из вас, кто проявлял интерес к истории, данный комплекс обнаружил спектры поглощения кислорода в атмосфере четырех планет, согласно расчетам, попадающих в зону обитаемости своих светил или находящихся близко к ней. Это открытие наделало много шума, и до самого Второго Инцидента было одной из главных тем сетевых обсуждений. Думаю, многие из вас также в курсе, что ажиотаж вокруг этого открытия был достаточным для запуска к целевым звездам четырех беспилотных ядерных импульсных зондов. Этот совместный проект НАСА и ДЖАКСА потребовал огромных затрат, которые сыграли не последнюю роль в приходе к власти в Североамерике изоляционистского режима Купера и резком урезании вложений в космические исследования. Затем грянул Второй Инцидент, и до самого создания Орбитали все работы за пределами земной атмосферы были прекращены на века. Интерферометрический комплекс был заброшен, связь с зондами прекратилась.

А теперь я пропущу шестьсот лет истории и перейду к сегодняшним дням. Орбитали удалось восстановить связь с тремя зондами из четырех.

– Внимание! – очки усилили голос Тро, так что возбужденный гомон оказался

заглушен. – Я ценю ваш интерес, но еще не перешел к самой впечатляющей части!

Он взмахнул рукой.

– Зонды передают информацию. Многие из их оборудования вышли из строя, они давно потеряли связь со своими аэростатическими платформами и лендерами, но все еще транслируют собранные данные. Мы получили достаточно сведений, чтобы представлять себе целевые планеты.

HD 156384 Cc, Изида. Связь с зондом утеряна, астрономические наблюдения не позволяют говорить с уверенностью об обитаемости планеты.

HD 40307 g, Аматерасу. Зонд успешно произвел торможение в целевой системе и вышел на экваториальную орбиту на высоте тысячи километров. Масса планеты составляет около десяти земных, радиус втрое больше земного, ускорение свободного падения – примерно 1,2 g. Атмосфера состоит из углекислого и угарного газов, кислорода и водяных паров, средняя температура около трехсот градусов по Цельсию, атмосферное давление до двадцати атмосфер. Предположительно, кислород в атмосфере накапливается в ходе дегазации горных пород. Планета подвержена активному вулканизму, связь с последним посадочным модулем утрачена через восемнадцать минут после входа в атмосферу.

HIP 57050 b, Деметра. Из-за нерасчетного торможения зонд вышел на целевую орбиту с превышением на две тысячи километров. В результате удалось произвести успешное приземление только одного посадочного модуля. Масса планеты – 1,6 земной, диаметр – 16 тысяч километров, ускорение свободного падения почти равно земному. Планета находится в устойчивом орбитальном резонансе 1 к 1 со своим светилом, атмосферное давление вчетверо больше земного, температура сильно варьируется. Атмосфера состоит из смеси азота и угарного газа с небольшим количеством кислорода, планета частично покрыта водным океаном, простирающимся от солнечного тропика в противосолнечное полушарие. Уверенно предполагается наличие развитой прокариотической жизни.

Тро сделал сценическую паузу. Я поймал себя на том, что слушаю, затаив дыхание. Странные вопросы масейчара начали складываться в единое целое...

– HD 160691 Vd. Кементари, – глаза Тро блеснули. – Зонд успешно произвел торможение и посадку модулей. Планета является спутником газового гиганта, лежащего в зоне обитаемости.

Он обернулся к фону, окутавшемуся черной тьмой с рассыпанными по ней крохотными, нестерпимо яркими иголочками звезд. На их фоне плыл бело-синий диск планеты. Сквозь облачный покров можно было рассмотреть явно отличающийся от земного рисунок континентов.

– Планета практически полностью соответствует Земле по всем основным показателям – составу атмосферы, силе тяжести, радиационному фону и температурному балансу. Посадочные модули обнаружили развитые белковые формы жизни, в целом соответствующие нашим позвоночным, насекомым и сосудистым растениям периода поздней перми. Биохимический анализ не обнаружил распространения опасных для человека соединений, а также подтвердил принципиальную совместимость биосферы Кементари и земных организмов.

Орбиталь располагает технологиями и строительными мощностями, достаточными для отправки в систему Мю Жертвенника корабля полезной нагрузкой до девятист пятидесяти тысяч тонн. Имеющиеся запасы топлива позволяют осуществить перелет в течение пятисот лет. Разработанные на Земле в последние двести лет консервационные технологии

позволяют поддерживать жизнь пассажиров и экипажа на этом промежутке времени.

Орбиталь приступает к запуску программы межзвездной колонизации. Вы отобраны, чтобы присоединиться к ней. К величайшему приключению в вашей жизни.

Аудитория потрясенно молчала. Что касается меня, я все пытался переварить слова Тро. Заявление масейчара казалось взятым из скверно прописанной устарелой моносюжетки.

Видимо, не один я так думал. Среди рядов соискателей зародились шепотки, перешедшие в удивленные возгласы. Через пять кресел от меня поднялась высокая русоволосая женщина средних лет с жестким взглядом запавших глаз.

– Соискатель Шаганова, – мои очки спроецировали вокруг женщины светлый ореол, как только масейчар произнес ее имя. – Слушаю вас.

– Прошу простить меня, масейчар, – отрубил Шаганова. – Судя по вашим словам, проект осуществляется уже некоторое – и явно долгое, вряд ли вы собрали информацию со всех трех зондов и разработали технологию межзвездного перелета за несколько суток – время. Как получилось, что в сети о ней нет ни словечка?

– Вы совершенно правы, Анастасия, – ответил Тро. – Мы осуществляли подготовку проекта собственными силами уже около двух лет, с тех пор, как уловили сигнал зонда из системы HD 40307 и приступили к целенаправленному поиску радиосигналов. За это время нами было завершены проектирование межзвездного транспортного средства и подготовительные работы по началу строительства. Теперь проект вступил в стадию, когда для его продолжения необходимы согласованные усилия крупнейших земных правительств и клиентел. Поэтому руководящий состав Орбитали принял решение о снятии с проекта режима секретности и наборе личного состава экспедиции.

– Зачем вообще понадобилась эта секретность? – бросил, не вставая, Корчмарь.

– Скажем так, рекламные соображения, – слегка улыбнулся Тро. – Такого рода информацию лучше сообщать в строго рассчитанный момент.

– А вы уверены, что земные правительства поддержат ваш проект? – настойчиво спросила Шаганова.

– Наши экспертные системы и предварительные консультации дают очень высокую вероятность, – отрезал Тро. – Вы недооцениваете стремление человечества к расширению границ освоенного.

Кто-то рядом негромко хмыкнул. В другом конце зала поднялся мужчина средних лет, на его лице виднелись отметины от демонтажа вживленных очков.

– Прошу слова, масейчар, – заговорил он. Тро, видимо, усилил его негромкий голос. Вставший с благодарностью кивнул и продолжил: – Масейчар Тро, мне бы хотелось узнать немного больше о так называемом проекте «Кементари». В частности, можем ли мы ознакомиться с записями, отснятыми вашим зондом, услышать в подробностях о вашей технологии анабиоза, о корабле, который, если верить сказанному, строит ваша ГОК? Тяжело принимать решение на основе такой скудной информации, что мы слышали.

– Безусловно, опертрейн, – кивнул Тро. – Я как раз планировал перейти к более подробному описанию проекта. Поэтому попрошу еще немного внимания, прежде чем переходить к обсуждению.

Он повел рукой в воздухе, и объемное изображение планеты отдалилось, проваливаясь в черноту. В центр экрана впрыгнула яркая звезда, вокруг которой закружились шесть крохотных точек, траектории их орбит слабо засветились желтым.

– Мю Жертвенника, она же HD 160691. Желтый карлик типа G3, находящийся на

расстоянии пятнадцати целых трех десятых парсека от Солнца. Имеет планетную систему из шести планет, включая два горячих непуна, два газовых гиганта и две ледяные суперземли на удаленных орбитах. Третья по счету от звезды планета – газовый гигант, значительно превышающий в размере Юпитер, состоящий в основном из водорода и гелия. Период орбиты – 644 земных суток, диаметр по экватору – 203 тысячи километров, – изображение придвинулось, несколько ярких точек скользнули мимо, пока не осталась одна – полосатый сине-голубой шар. – Обладает четырьмя спутниками, два из которых сравнимы в размерах с Землей. Более подробно вы сможете ознакомиться с планетной системой в файлах проекта «Кементари», нас же интересует сама Кементари – четвертый спутник газового гиганта, получившего, к слову, также взятое из кельтской мифологии название Илуватар.

Изображение вновь пришло в движение. Зазвучала мягкая музыка. Газовый гигант, медленно вращающийся вокруг оси, ускользнул в сторону. Теперь мы неслись на стремительно растущий красно-оранжевый диск, вокруг нас замелькали ярко-оранжевые склоны кратеров, затем поверхность планеты провалилась вниз. Вновь короткий полет через космос, и нашим глазам предстали вздымающиеся и опадающие волны лавы. В небе сверкнула яркая молния, во вспышке стали видны склоны горы впереди, с ее вершины текли лавовые потоки. Мы пронеслись сквозь вулкан (хорошо, что создатели ролика не стали пользоваться стандартными эффектами наподобие сернистой вони или бьющего в лицо жара, иначе бы я однозначно уверился в том, что смотрю очень качественную трехмерку!), взвились вверх, на заднем плане вновь мелькнул изрядно уменьшившийся газовый гигант.

– Модель выполнена на основе снимков зонда, – негромко проговорил Тро. – Конечно, это не настоящая запись, но сами пейзажи – достоверны.

Теперь в очках мелькали бело-серые склоны холмов с оттенками беж. Камера спикировала в обрывистый каньон, показала нам фиолетовые волны, неторопливо набегавшие на берег, и вновь поднялась вверх мимо слоистых обрывов. Затем последовала запись черно-бурой пустыни с темно-синим небом. Камера минуту следовала за мечущимся по пустыне смерчем, после чего вернулась обратно в космос. Звезды закружились – и замерли, а голубая искорка в центре изображения медленно стала увеличиваться.

– Выходим на траекторию зонда, – произнес приятный женский синт-голос. – Масштаб времени – три тысячи к одному.

В модель медленно вплыл серый вытянутый корпус. Носовую часть корабля занимали разномастные антенны, сенсорные блоки, радары, лидары, виднелся серый цилиндр командно-аналитического модуля. Далее располагались стыковочные узлы посадочных модулей, плотно пригнанных один к другому – нос к корме. За ними широко раскинулись изломанные крылья радиаторов, а на широкой ферме был вынесен двигательный модуль, из сопел которого лился прерывистый голубой свет. Серую обшивку корабля покрывали многочисленные темные разводы.

– Расстояние до Кементари – шестьсот тысяч восемьсот километров, – прокомментировал синт, словно мы не могли самостоятельно прочесть мелькавший над зондом столбик цифр.

Голубой шарик планеты рос на глазах. Стали различимы белые облака, очертания континентов, блеск на полюсах планеты.

– Масса планеты составляет девяносто четыре процента земной, при ускорении свободного падения 9,6 метра в секунду в квадрате. Планета совершает оборот вокруг оси за двадцать восемь часов и тридцать четыре минуты, период орбитального вращения вокруг

Илуватара составляет сто пятнадцать земных суток, или девяносто семь кементарийских. Сама Кементари вместе с Илуватаром совершают оборот вокруг звезды за шестьсот сорок четыре дня. Эксцентриситет их орбиты довольно велик – примерно 0,13.

Теперь Кементари простиралась под нами, занимая треть поля зрения. Сопла двигателей вспыхнули, звездное небо медленно пришло в движение, звезды неторопливо опускались за выпуклый горизонт планеты.

– Выход на орбиту Кементари в экваториальной плоскости Илуватара. Осуществляется первичное орбитальное сканирование.

Облачные массивы разом сделались прозрачными, открыв вид на полярные шапки, океаны и материки. Слово в детских обучающих моделях, изображение приблизилось – так, что стали видны горные массивы, зелень лесов, тонкие ниточки рек.

– Атмосфера планеты почти идентична земной по составу и плотности, не считая незначительного превышения содержания парниковых газов. Средняя температура на поверхности составляет приблизительно 286 кельвин. Расположение материков и малый наклон оси снижают годовые и широтные перепады температур по сравнению с Землей, однако ввиду большего эксцентриситета орбиты Илуватара сезонность, тем не менее, выражена довольно ярко, что подтверждается данными лендеров.

Вновь удалившаяся, Кементари медленно поворачивалась под нами. Стало видно два крупных участка суши – один занимающий большую часть верхнего полушария, будто огромный треугольник, напозвший на полюс одним из углов и обращенный к экватору вогнутым основанием. Второй, расположенный ниже экватора и пересекающий его краем, напоминал огромную запятую. От хвостика запятой тянулась цепочка островов, самый южный из них, то ли крупный остров, то ли небольшой материк, заходил краем за полярные широты.

– Форма континентов, следы активного горообразования и развитая сеть срединно-океанических хребтов подтверждают наличие у Кементари активной плитовой тектоники. Наличие сильного магнитного поля также свидетельствует об активности недр планеты. – Синт сделал короткую паузу. – Сканирование завершено. Зонд производит запуск посадочных модулей.

Словно пазл, кольцо модулей рассыпалось на плоские треугольные кусочки. Один за другим четыре лендера запускали двигатели, гася орбитальную скорость. Их траектории расходились под углом, каждый из кораблей нацеливался на собственную точку высадки. На поверхности планеты замигали четыре огонька. Один располагался в северо-западной части большого континента, ближе к границе полярной шапки, вдоль которой протянулись складки горной цепи. Второй – на выступающем на его восточном краю полуострове, рядом с побережьем крупного озера. Третий пришелся на один из островов средней величины в районе экватора, и последний – в район «хвостика запятой».

Коснувшись контекст-болла, я сосредоточил изображение на втором зонде. Точка обзора последовала за ним, в соответствии с убыстрившимся течением времени помчавшись к планете, пока вокруг не расцвели плазменные вихри. Изображение зонда смазалось в огненном облаке, затем скорость снизилась и пламя угасло. Модуль несколько раз вскинул нос, еще тормозясь в набегающем потоке, пока окончательно не перешел на аэродинамический полет.

Теперь мы мчались над плотным, чисто-белым облачным покровом. Модуль продолжал снижение, фон погрузился в туман, затем лендер вынырнул из облаков, и под ним открылась

сочно-изумрудная равнина, на горизонте виднелась протяженная горная гряда. Она стремительно мчалась навстречу, открылся и улетел цветок тормозного парашюта, еще и еще один. Вспыхнуло пламя сопел вертикальной посадки. Уже были различимы отдельные деревья. Горизонтальная скорость модуля упала до нуля, и он медленно шел вниз, выпуская посадочные опоры. Точка обзора висела над модулем, пока шасси не коснулось опаленной пламени дюз земли. Одна из опор ушла в грязь, заставив модуль накрениться и застыть так среди заросшей высокой травой вытянутой поляны в лесной чаще.

– Посадка произведена. Возврат к нормальному масштабу времени. Производится анализ зоны высадки, – жизнерадостно оповестил нас синт. Местность закружилась вокруг нас, то и дело какая-либо деталь пейзажа – дерево, камушек, стебель травы – вспыхивала слабым свечением активизации.

Вокруг еще тлели подоженные дюзами стебли, но огонь быстро затихал – похоже, растения вокруг были довольно сочными. Их пушистые зеленые метелки покачивались под ветром. Метрах в ста от нас устремлялись к небу высокие деревья, их стройные стволы по спирали окаймляли на удивление короткие веточки. В отдалении промелькнула крохотная белая точка – бабочка?

– Анализ воздуха, почвы и почвенных вод показывает высокое содержание микроорганизмов и спор – до семисот единиц на кубометр воздуха, до двух миллиардов единиц на грамм верхнего почвенного слоя. Макробиота также развита, выявлены крупные растительные формы. Обнаружены крупные летающие членистоногие, – предполагаемая бабочка подсветилась. – Биохимический анализ и биоконтроль не выявили присутствия опасных для человека токсинов, цитолитографический анализ образцов не обнаружил повышенного патогенного действия в сравнении с земными средами.

– Естественно, – пробился сквозь синт голос Тро. – Этот рекламный мультик предназначен для демонстрации в крупнейших сетях планеты. Вы можете ознакомиться с двумя терабайтами телеметрии, но предупреждаю – прорисовка там хуже, а на первичное ознакомление с отчетами уйдет по меньшей мере неделя. При этом вы рискуете забыть о еде и сне, – по-видимому, масейчар общался через очки с кем-то из кандидатов, но системы шумоподавления в этой дешевой версии работали не очень хорошо, и его слова долетали и до меня. – Тем не менее, основные детали здесь излагаются верно и достаточно подробно для того, чтобы вы могли принять решение.

Я коснулся айдима, направляя Тро запрос на беседу.

– Схолферм, – очки приблизили лицо Тро. – Ваше решение остается в силе?

– Давайте закончим с формальностями, масейчар, – ответил я.

Как и следовало ожидать, отсеялось не так много людей – в основном те, как я предположил, кто имел весомые шансы дожидаться в Талнахе распределения на предприятия Республики. А таких среди перемещенцев уже давно остались считанные единицы. Масейчар прокрутил презентацию до конца, дождался, пока все желающие зададут ему вопросы, а затем вскинул руку, переключившись на общее вещание.

– Соискатели, – проговорил он. – Нам нужны добровольцы, а не беглецы. Проект опасен, и мы этого не скрываем. Наши знания о планете, как многие уже отметили, неполны, хотя мы уверены, что человек может на ней выжить. Но вполне возможно, что наша авантюра потерпит неудачу и колония погибнет.

Но мы не можем позволить себе отправить в это путешествие неподготовленных людей. У вас будет возможность подумать до завтрашнего дня и более внимательно изучить



полученную нами информацию. Помимо этого, в Эквадоре мы проведем более жесткие отбор и тестирование, и не все из здесь сидящих его пройдут. Орбиталь берет на себя обязательство по трудоустройству тех, кто не выдержит проверок, в нашей наземной инфраструктуре, Католической Федерации или, на выбор, по депортации обратно в Красноярскую Республику.

Однако если вы в ходе подготовки решите, что этот риск не для вас – вам придется урегулировать не только вопросы выплат по перекупленным Орбиталью вашим гражданским контрактам, но и возместить затраты, понесенные Орбиталью в ходе проекта. Поэтому я прошу вас еще раз все взвесить и только тогда принимать окончательное решение. Пока же – следуйте к посадочной площадке.

Дверь скользнула в сторону, повеяло свежестью и тонким ароматом цветов. Раздавался многоголосый птичий щебет, в воздухе звучала приятная музыка.

Просыпаясь сегодня утром на жесткой койке в четвертом бараке, я и не думал, что буду ужинать в кафетерии норильского хаба люкс-уровня. Видя наше недоумение, Тро кратко разъяснил – по протекции Красноярска, не скупившегося на представительские расходы при заключении с Орбиталью сделок на энергопоставки, хаб-клиенты Сибири предоставили спейсерам жилые ячейки повышенной комфортности в каждом полисе Республики. Правда, до этого дня орбитальщики были в Нориле нечастыми гостями, и оперсервов НорильХаба застало врасплох пожелание Тро разместить весь набранный им в Талнахском лагере состав.

Так или иначе, а они с этим справились. Причем не распахивая нас по стандартным гробикам временного проживания, а расселив по полноценным элитным комнатам, по одной на человека, с умной кроватью, активными обоями и – о чудо – душевой с ненормированным расходом воды! Даже Тро, похоже, не ожидал такой роскоши, а ошеломленное выражение на наших лицах его повеселило.

Я шел вдоль опоясывающей колодец террасы, вглядываясь в идущих навстречу людей. В таких заведениях селились немногочисленные администраторы полисов и клиентел, чья работа вынуждала их к частым перемещениям из полиса в полис – публика, как правило, небедная. Это заметно было по щегольским гарнитурам, по то и дело взблескивавшим в свете стен инфокольцам на пальцах и серьгам в ушах, по модной расцветке волос и глаз, даже по орнаментированным вставкам на повседневной униформе. Стены оплетали вьющиеся лилии, за прозрачной панелью в центре кафетерия располагался большой сукцесс-сад, откуда и доносилось птичье пение. Уровнем ниже виднелась прогулочная терраса, на которую выходили ярко светящиеся витрины, а посреди шло выступление эрзац-театра, собравшее небольшую кучку народа. Актеры, движущиеся среди невидимых без очков активной среды декораций, производили странное впечатление. Цокая опорами, пробежал мул с чемоданом в креплениях.

Из-за столиков на меня косились, и хотя я понимал, что бояться мне нечего, все же внутренне нервничал. В прежней тюменской жизни, очутись я в таком месте – и ближайший монитор поспешил бы проверить мой айдим на взлом, чтобы выяснить, как я миновал контроль. Но теперь на моем плече был лого временного персонала Орбитали, и то же самое подтверждал мой айдим. Так что я сделал глубокий вдох и расслабился.

Все к лучшему. Я в кои-то веки наелся, вымылся, надел удобную одежду и выспался в безопасном месте. И потому был готов плясать от радости, не обращая внимания на косые

взгляды. О предложении Тро я старался не думать... в основном потому, что все еще не до конца в него поверил.

Такого не бывает. Место межзвездным полетам – в древней доинцидентной фантастике, рядом с неомифологиями, саморазмножающимися нанороботами, колониями на Марсе и искусственными интеллектами. Не в новостных облаках, презентациях и гражданских контрактах.

Я отвернулся от перил, стал рассматривать сад. Под ветерком из вентиляционных отверстий колыхались стебли ситника и фиолетовые головки кипрея, по саду были разбросаны заросли ольхи, малины и кусты шиповника. С четко слышным, несмотря на прозрачную перегородку, жужжанием, от цветка к цветку перелетали шмели и бабочки, стрекотали кузнечики, где-то в ольховнике чирикали чижи. Я пригнулся, всматриваясь в почву, перевел взгляд на ольху. Явно землю здесь не трогали мотыгой, а несколько листьев скрутились в посеревшие трубочки.

– Димер! – внезапно окликнул меня знакомый голос. Оборачиваясь к столику, откуда тот раздался, я не верил своим ушам.

– Крапивник?!! Ленка?!!

– Димер, жеваный карась! – Олег Крапко, мой закадычный товарищ, сосед по жилблоку и согруппник с первого учебного курса, стиснул мою руку. Секунду спустя Ленка Яковлева, рыжая хохотушка из нефтехимической группы, из-за которой два года назад мы с Крапивником впервые в жизни чуть не поссорились всерьез, повисла у меня на шее.

– Что – как?.. – я уставился на такие же, как и у меня, золотые эллипсы на плечах друзей. – Крапивник? Вы что, тоже...

– И ты?.. – Ленка, заметно осунувшаяся, перевела взгляд на мою эмблему. – С ума сойти! Так ты что, в Талнахе...

– Ну мама родная, – Крапивник цокнул языком. – Какой лагерь?

– Талнах-2, а вы?

– А мы сидели в первом. Ни черта ж себе! Знал бы, связался бы через сетку. Ленку я выцепил в первую неделю. Мы думали, ты пойдешь по квоте...

– А я думал, вы, – я развел руками. – Ирке я сумел отписаться по левому лимиту, весь его и выжрал. Как ваши?

– Господи, – Ленка всплеснула руками. – Димер, да садись ты! Сколько же времени...

– Полгода, – Крапивник улыбался до ушей. – А кажется, будто полвека. Наши... Отца перекупили арктаны, он сумел вытащить мать только с большим понижением в классе.

– Мама осталась в Тюмени, – договорила Ленка, помрачнев.

– Это лучше, чем в лагере, – жестко произнес Крапивник. – А твой?

– Под Хабаровском, – ответил я. – Тро обещал помочь с доступом к межсетке, может быть, удастся и про ваших узнать поподробнее.

– Тро, – Ленка явно хотела сменить тему. – Ребята... вы думаете, они это всерьез?

– Даже норильская сетка только об этом и говорит, – я отправил облачко на ее айдим. – Нет, конечно, верится с трудом...

– И не на трезвую голову, – Крапивник перевел взгляд на стол. – Лен, что будешь – вино, пиво?

– Ты видел местные цены? – скептически поинтересовалась Ленка. Мне, как и прочим завербованным, выделили небольшую сумму на накладные расходы, но хватило бы ее на здешний ужин – большой вопрос. В отличие от бесплатной кормежки в комнатных

терминалах, здесь питание было более чем дорогим.

– На пару кружек хватит, – беспечно заявил Крапивник.

– Тогда пиво, – согласилась Лена. Пробежалась пальцами по столу.

Не удержавшись, я взял себе к пиву еще и порцию говядины с печеным картофелем. Такая роскошь пробила в моем бюджете серьезную дыру... но куда нам тратить деньги? Завтра с утра мы должны были сесть на кольцевик, отбывающий к эквадорскому терминалу Орбитали.

Через две минуты к нашему столу подъехала тележка, груженная тремя запотевшими кружками и исходящим паром блюдом. Ленка и Крапивник взяли один на двоих пакетик креветок, так что я поделился ужином с ними. С холодной кружкой откинулся на послушно выгнувшуюся спинку.

– Хороший сад, – заметил Крапивник, кивая в сторону мини-парка, который я рассматривал полчаса назад.

– Да? По-моему, за ним никто не ухаживает, – заметил я скептически.

– Посмотри внимательнее, – Крапивник, в отличие от меня, специализировался как раз на экологии ЛРЗ. – Они регулируют зарастание только светом и, возможно, дозируя полив и присадки. Почвенный покров не нарушен, листья опадают в естественном режиме. При этом видовой состав поддерживается, а судя по величине кустарников, подросту как минимум лет пять. Либо у них работает гениальный бонсаер, либо это просто очень хороший просчет миниэкосистемы.

– Ну, теперь мы все перекавалифицируемся в фермеров, – заметил я, делая добрый глоток пива. – Так что придется мне у тебя учиться.

– Всем придется, – пожал плечами Олег. – Ничего. Бравый колонист Крапко обучит вас, городских неженков, выживанию на лоне природы! Дождь и ветер, жара и холод, инопланетные монстры с щупальцами выбьют из вас, мальчики и девочки, привычку к лагерным удобствам! К черту фитотронику, к черту чаны! Только натуральное хозяйство, только лишения, и голод, и санузел под кустиком!

Ленка от всей души пихнула его в бок.

– Лично я, – заметила она, – собираюсь перелопатить учебники по истории нефтедобычи. Что-то мне подсказывает, что на Кементари нам ее понадобятся немалые объемы.

– Собираешься совершить на другой планете третью пищевую революцию? – Крапивник потер место, куда угодил твердый локоток.

– Холодно. Глубже.

– ЖЕЧЬ нефть? – я поднял брови. – Господи, Ленок, ну это уже совсем архаика!

– Смотря ради чего, – рыжая голова качнулась. – Для обогрева, может, и архаика. Но сверхзвуковик или ракету на кольцевых двигателях, по-моему, за последние четыреста лет еще не разработали!

– Зачем нам на Кементари сверхзвуковые машины? – полюбопытствовал Крапивник.

– Тебе что-нибудь говорит фраза «двигатель внутреннего сгорания»?

Мы переваривали сказанное, дружно запив пивом.

– А чем плохи кольцевики... мда. Рециклинг, – ответил на свой собственный вопрос Крапивник. – А ты, пожалуй, права.

– Вообще, я не удивлюсь, если в итоге придется вернуться к паровым машинам, – добила нас Ленка. – Если там действительно пермский период... одному богу известно, что

на Кементари с нефтяными залежами.

– Нет-нет, – помотал я головой. – Будем последовательны. Да здравствуют костер, пещера и каменная дубина!

– За добросовестный последовательный регресс! – подхватил Крапивник, поднимая кружку. Рассмеявшись, мы дружно выпили.

Крапивник посерьезнел. Поднял взгляд к потолку колодца, туда, где располагалась довольно качественная, даже без очков, проекция звездного неба. По ней временами проплывали уже знакомые нам изображения спутников Илуватара, переданные зондом. Должно быть, администрация хаба оперативно среагировала на опубликованную Орбиталью новость. Олег вздохнул, отодвинул экран столика вбок и на уровень глаз и вывел на него картину снаружи – черную в скудном лунном свете, одетую огнями громаду Оганерского блока, лес отблескивающих металлом рудничных башен с кранами грузового терминала и далеко на горизонте – неровную темную линию Талнахских гор. Я досадливо отвернулся – на этот угрюмый вид мы досыта насмотрелись еще в лагере.

– Можно, вообще говоря, – сообщил я, – глянуть, что выложила в сеть Орбиталь. Наверняка у них есть какие-то планы по колонизации в открытом доступе. Я, кстати говоря, еще не влезал в их сетку.

Крапивник извлек айдем и развернул экран. Ленка вздохнула.

– Еще успеем. В сети я видела – до завершения проекта и старта корабля они отвели три года. И если по правде – у нас все равно нет выбора, не так ли?

– Мобильные банды, – горько пошутил я. – За добровольно-принудительный героизм!

Звякнуло стекло.

– Суки, – процедил сквозь зубы Крапивник, скользя взглядом по столикам.

– Ты о ком?

– Об этих уродах, – пробормотал он. – Пока у нас животы подводило, эти сволочи здесь мяско жрали. Убивал бы. Или вышвырнул за периметр, пусть бы там камни глодали, – он заскрипел зубами. Ленка успокаивающе положила руку на его запястье.

– Они-то здесь при чем? – к счастью, мы хоть и привлекали внимание собравшейся в кафетерии немногочисленной публики, но Крапивник говорил достаточно тихо. – Это Владирос отжал Тюмень, а не норильские админы.

– Да насрать мне, – Крапивник резко встал. – Что владиросские уроды, что эти. За Кементари! – он высоко поднял кружку. – За новый мир без сволочей!

– За это выпью, – я опустошил кружку. – Пора ложиться. Не хочу явиться к отлету с больной головой от недосыпа.

– Тоже верно, – кивнул Крапивник. Встал, отбросив стул ударом ноги. Подал Ленке руку.

Я с удивлением обнаружил, что то ли пиво крепче, чем кажется, то ли я отвык от алкоголя, – меня слегка вело. Добравшись до двери комнаты, я торопливо разделся, бросился на послушную кровать и уснул как убитый, не успев укрыться одеялом.

Солнечные лучи ворвались в иллюминатор кольцевика, разбежались зайчиками по обшивке салона, ударили в глаза. Поморщившись, я зажмурился, дожидаясь, пока стекло иллюминатора не затемнится автоматически.

Мои биологические часы были сбиты с толку. Из Норилия мы вылетели ранним утром, и организм упрямо считал, что сейчас должна стоять глубокая ночь. Но мы двигались сквозь часовые пояса, посадку для подзарядки на Камчатке совершили уже в кромешной темноте, над гавайскими аквафермами пролетели, когда подернутое перистыми облаками небо еле заметно начало светлеть. Если верить айдиму, по местному времени сейчас было около половины шестого, и на востоке разгоралась золотом заря. Легкая вибрация машины убаюкивала, половина из нас клевала носами под жужжание двигателей.

Не я. Мне еще ни разу не доводилось путешествовать вдали от родного полиса, не считая двух учебных поездок и одного злосчастного перемещения. Стоило ночной темноте за бортом расступиться – и я уткнулся носом в стекло. Звезды гасли быстро, быстрее, чем в наших широтах, и под аппаратом проступала бескрайняя гладь от края до края. Подернутая волнистой рябью, поверхность океана напоминала огромный металлический лист, на горизонте постепенно розовеющий. Солнце поднялось над горизонтом, и золотая солнечная дорожка легла на воду, протянувшись к нашему кольцевика.

– На один час вниз, – услышал я негромкий голос Корчмаря. Масбез жестом указал Шагановой на что-то, видимое в иллюминатор лишь с их стороны салона. Я заинтересованно вытянул шею, но увидел только ту же морскую гладь, смыкающуюся с горизонтом. Кольцевик слегка качнулся, и теперь от окна отвернулся уже Корчмарь.

В неведении я оставался недолго – не пришлось даже сверяться с маршрутом полета. Кольцевик неторопливо пошел вниз, и из-за края иллюминатора показалась узкая металлическая полоска, покрытая неразличимыми отсюда деталями.

Вернее, узкой она показалась мне лишь вначале.

Через десять минут полета я замороженно разглядывал поднимающуюся из морских вод стальную громаду.

Абсолютно плоская – лишь по правому борту поднимались какие-то крохотные с такого расстояния сооружения – палуба гигантского корабля имела в длину, наверное, метров девятьсот. Вдоль отвесных бортов, там, где из-под воды проступали моторные консоли, кипела вода – из-за своей парусности «Стартовой» приходилось постоянно работать винтами, чтобы избежать сноса. У левого края палубы стояло несколько грузовых кольцевиков – тоже крохотных на фоне «Стартовой», хотя на самом деле каждый из тяжелых «аргентависов» был в десять раз больше нашей рейсовой машины.

Пропищал зуммер.

– Соискатели, – произнес оператор кольцевика по внутренней связи. – Посадка на борту «Стартовой» через десять минут. Приготовиться к выходу.

Кольцевик вздрогнул, касаясь шасси посадочной площадки. Постепенно стих стрекот винтов, люк скользнул в стену. Внутри ворвался пахнущий солью и горячим металлом ветер. Призывно запищали айди́мы.

Двое матросов в черно-желтой форме Орбитали в сопровождении пяти мулов мгновенно окружили кольцевик и приступили к его разгрузке. Еще один матрос без лишних

проволочек собрал нас подальше от посадочной площадки и повел к торчащей вдалеке прозрачной башенке, увенчанной гроздью антенн. По дороге я ничего толком не успел рассмотреть – вид загораживали стоявшие вокруг контейнеры, кольцевики и микромобили, лишь изредка в просветах между ними мелькала стальная пустыня огромной палубы да виднелась доминирующая над пейзажем башня мостика. Пока наша группка не миновала вход в башню и по крутому трапу не спустилась под палубу.

Цепочкой вслед за сопровождающим мы миновали переплетение коридоров и металлических переборок, освещаемое тусклыми светолентами под потолком. По дороге нам не встретилось ни одного человека, только прокатились навстречу несколько тележек и уборщиков. Наконец, добравшись до узкого овального люка, матрос нажал на кнопку замка. В полутьме виднелись ряды двухэтажных коек.

– Располагайтесь, соискатели, – обронил он.

Вещей при мне так практически и не было – лишь рассованные по карманам мыльница-зубочистка и айдим. Потому обустройство на новом месте для меня свелось к тому, что я разулся и плюхнулся на нижнюю койку.

– Как предпочитаешь спать, вверху или внизу? – поинтересовался Олег.

– Жребий, – мы вскинули руки.

– А, – бросил Крапивник пренебрежительно, глядя на результат. – Мы тут все равно на пару дней, – он уселся рядом со мной. – Жалко, не успеем посмотреть корабль.

– Кто нас пустит по нему расхаживать? – голова Ленки свесилась с верхней койки.

– Думаю, если бы нам было запрещено выходить, – задумчиво протянул я, – нас бы предупредили.

– Не советую, – заметил Корчмарь, возвращаясь из кабинки санузла в дальнем конце каюты. Каким-то чудом «лисовин» успел не только умыться, но и, похоже, привести в порядок свой одноразовый комбинезон. – Вряд ли орбитальщикам нечего делать, ребята, кроме как искать вас по кораблю, – он уселся напротив, глянул на окно айдима. – Кормежка будет через полтора часа.

– Хорошо, что мы поели в кольцевике, – пробормотал Крапивник.

Я устало прислонился к переборке у очередного люка.

Глубокий блок, на этом корабле что, вообще нет живой команды?

Идея тайком пробраться на взлетную палубу, чтобы посмотреть на океан с пятидесятиметровой высоты, казалась замечательной только в первые полчаса. Особенно в том, что касается пункта «не брать с собой айдим и положиться на зрительную память».

Теперь я с удовольствием бы встретил кого-то из членов команды, получил заслуженный выговор и добрался до выделенной нам каюты. Вот только по казавшимся бесконечными переборкам сновали исключительно роботы. Причем судя по покрывавшему пол слою пыли – и те не слишком часто.

Я досадовал на самого себя. Конечно, просидеть сутки безвылазно в каюте – то еще удовольствие. Но стоило ли из-за этого рисковать опозданием на кольцевик, неудовольствием орбитальщиков и, вполне возможно – возвращением в гостеприимные объятия Талнаха?

– Эй, – негромко произнес я, открывая необычайно тяжелый люк. К счастью, тот послушно распахнулся под рукой. Некоторые двери на моем пути оказывались заперты, а через некоторые я умудрялся пройти по два-три раза, и уже начал подозревать, что

«Стартовая», будто – согласно городским легендам – нижние уровни Ярославля или Красноярска, способна изменять свою внутреннюю планировку.

Коридор круто повернул, и сквозь вездесущий гул вентиляторов я стал различать мерный мощный гул. На его фоне слышался ритмичный плеск. Еще пара шагов – и справа показался новый вход. Маркировка на люке мне, сухопутному жителю, ничего не говорила, но шум доносился именно оттуда.

Я прищурился, глядя на ведущие вдоль коридора отпечатки ног в пыли. Кажется, здесь я еще не был? Или здесь до меня прошел кто-то из моряков? Следы вроде бы поменьше моих...

Пожав плечами, я распахнул люк.

Глаза, уже привыкшие к тусклому свету лент, не сразу приспособились к яркому свету. Ну, не такому уж и яркому – солнце уже опускалось в воды Тихого океана. Но все равно я в первые несколько секунд заморгал. В лицо задул свежий морской ветер, в уши ворвался шум бурунов и пронзительные крики птиц.

– Stop. Don't try to walk through the coaming, – произнес высокий женский голос.

– Что? – я обернулся на звук. Женщина сидела на самом краю небольшой металлической ниши, просунув ноги между рейками ограждения и опершись на натянутый верхний трос. Ветер трепал ее длинные черные волосы, бросая пряди в лицо. Она обернулась через плечо к открытому мной люку.

– Oh? – она скользнула взглядом по нашивке. – Pacify or Siberian?

– Красноярск, – справившись с замешательством, выговорил я. Теперь я видел, что собеседнице едва ли больше двадцати лет, одета она была в такую же бумажную накидку, что и я. Черные миндалевидные глаза изучающе скользили по мне. Без айдыма я не мог с ходу определить ранг, но видел привычный уже лого Орбитали. Лоб незнакомки охватывала узкая ленточка интерфейсных очков.

Девушка выхватила свой айдим, пробежалась легким касанием по окну. Перевела взгляд на меня и, вздохнув, выудила из кармана серебристо поблескивающую тряпочку. Протянула мне.

– Надень это на айдим. Потом входи, – произнес айдим брюнетки в такт английским словам.

– У меня нет айдыма, – удивленно произнес я. – Ты из судовой команды? Что это? – теперь я разглядел, что к айдиму девушки с тыльной стороны прилеплен кусок такой же блестящей ткани.

– Нет. Локационная обманка, – коротко бросила та. – Где твой айдим?

– В каюте, – машинально ответил я.

– Вот как? Можешь войти, если не боишься высоты.

Акрофобией я никогда не страдал, а если бы и страдал – все равно после таких слов спокойно подошел бы к натянутому лееру. Мы стояли в нише четырехметровой длины и около пары метров шириной, вделанной в корабельный борт. За нашими спинами находилось по большей части незнакомое мне оборудование, впрочем, я узнал стандартную панель атмосферных датчиков. Туго натянутый на металлические стойки трос был единственным, что отделяло нас от бурлящей воды в тридцати метрах внизу.

В бурунах блестел металл двигательного пилона, лопасти винта взбивали воду в белую пену так, что брызги едва не долетали до нас. Край ниши был заляпан потеками птичьего помета, а по ее краям виднелись кучки перьев – должно быть, чайки облюбовали это место задолго до нашего визита.

– Извини, если помешал тебе, – прокашлялся я. – Я, видишь ли, слегка заблудился.

– Заметно, – не отрывая взгляда от расцвеченных заходящим солнцем волн, произнесла незнакомка. – Ваша каюта в ста метрах отсюда ближе к корме.

– Не подскажешь, как туда пройти?

Вместо ответа девушка развернула айдим панелью ко мне. Я обреченно уставился на извилистую красную линию, соединявшую на плане, по-видимому, наше текущее местоположение и каюту.

– Если уйдешь сейчас, пропустишь редкое зрелище, – сообщила хозяйка айдима.

– К-какое? – переспросил я.

– Подожди и увидишь.

Я обвел взглядом пустынный горизонт.

– Конечно, тут красиво... но как бы мне не опоздать на кольцевик.

– Не беспокойся. В ближайший час он не взлетит, – айдим исчез в кармане накидки.

Девушка переменяла позу, скрестив длинные ноги.

– Ты точно знаешь?

Та усмехнулась, ничего не ответив. Я снова обернулся к морю, раздумывая, уходить или оставаться.

Решающим доводом стала слабая надежда, что незнакомка согласится показать мне дорогу. Все еще не хотелось изобличать перед экипажем свою детскую выходку. Я вздохнул и опустил на влажный металл. Собеседница покосилась на мое недовольное лицо и молча подвинулась, освобождая место на предусмотрительно подложенном на металл куске пластика.

– Димер, – нарушил я недолгое молчание. – Схолферм.

Ответом стало молчание.

– Нас не засекут с этими штуковинами? – попытался я снова завязать вежливую беседу, указав на врученную собеседницей обманку.

– Если бы мы пытались пролезть на мостик или в машинное – непременно засекали бы, – проронила девушка. – Но поскольку повредить на вспомогательной метеостанции, ждущей ремонта, мы можем только сами себе, то система контроля проглотит то, что ей скармливает обманка.

Некоторое время я обдумывал сказанное.

– Думаешь, это понравится орбитальщикам?

– За это они меня и завербовали, – произнесла равнодушно девушка.

Я поскреб в затылке. Рядом на леер приземлилась чайка, недовольно крикнула что-то в нашу сторону и унеслась прочь, спугнутая шумом моторов. Девушка подалась вперед, поднеся ладонь к глазам. Я последовал ее примеру и различил на фоне заката узкую серо-синюю тень.

Вардрон медленно покачивался в воздухе в трехстах метрах от корабля. Двигатели в кольцевых обтекателях подрагивали в такт качке, стволы лазера смотрели в сторону моря. На подвесе вардрон нес четыре легких стингера и два автозонда. Судя по клювастым обводам носовой части, это был «Корд-480» валдайского производства – я не был знатоком боевой техники, но мне довелось видеть такие машины в противопехотной закачке в коридорах Тюмени, когда Владирос устанавливал в полисе свои порядки. Я невольно поежился.

– Они усилили охрану, – произнесла девушка. – Видимо, серьезно относятся к этому своему проекту.



– Все проще, – мрачно ответил я. – Харбин.

– Может быть... Смотри! – незнакомка рискованно перегнулась через ограждение, глядя в сторону носа. Я заинтересованно глянул туда же.

В воздухе зародился низкий гул, стремительно перешедший в утробный свистящий рев, накатывающийся с востока. Чайки, всполошившись, всей стаей спикировали вниз и умчались вприпрыжку к волнам. Рев приближался.

– Что это?!

Крылатый силуэт вынырнул из-за носа корабля. Черный на фоне темнеющего неба, треугольный, опоясанный габаритными огнями. Тандем лег на крыло, описывая широкий вираж. Окунулся в зарево заката, превратившись в шестикрылую тень. Начал расти в размерах, закрывая собой небо, надвигаясь на «Стартовую» с кормы. Вверху взвыл ревун, раздался топот ног. Двигатели тандема грохотали, заглушая все звуки. Обрушился резкий порыв ветра, палуба протяжно отозвалась, когда опоры многотонного тандема коснулись ее поверхности. Над нашими головами пророкотало, рев двигателей перешел обратно в затихающий гул и через некоторое время замолк. Остались только жужжание многочисленных моторов, слабо доносящийся до ниши гомон десятков голосов и рывканье динамиков.

– Ого, – пробормотал я. – Я-то думал, что эти штуки отсюда только взлетают.

– Я тоже, – кивнула девушка. – Обычно их доставляют из Эквадора морем или по воздуху. Должно быть, Орбиталь очень торопится с этим рейсом.

– Это из-за него задержали кольцевик? – предположил я.

– Скорее всего, – моя собеседница поднялась, держась за леер. Солнце успело закатиться, и темнота упала сразу, будто кто-то затемнил обои. Очень быстро загорались звезды, на удивление огромные и яркие. Внезапно в нише вспыхнула светолента, ее призрачный свет выхватил очертания приборов.

– Постой! – торопливо выкрикнул я в хлопнувшуюся дверцу. Вскочил, распахнул ее и обнаружил пустой коридор, тонущий в полумраке.

Тяжело вздохнув, отвернулся к морю. В темной воде отражались ходовые огни «Стартовой» и бесчисленные созвездия, тут и там начали вспыхивать фосфоресцирующие огоньки. С полетной палубы все еще доносились звуки оживленной деятельности вокруг севшего тандема.

Я снова вздохнул. И тщательно воспроизвел в памяти мельком увиденный маршрут до дверей каюты.

В просторном конференц-зале «Стартовой» собралось куда больше народу, чем в лектории в талнахских развалинах. Неудивительно – кроме нашей группы, сюда прибыли еще человек семьдесят из других полисов Республики, столько же – из субклиентел Пацифика, да еще три десятка то ли из Североамерики, то ли из Австралии. Несмотря на то, что у всех были айдимы, мало кто пытался пообщаться с иностранными коллегами, большинство предпочитало переговариваться с соотечественниками. Впрочем, я заметил Библуса, знакомого еще по Талнаху екабургского неомифера, оживленно болтающего с кем-то из англоговорящих кандидатов, парнем и девушкой на удивление похожего вида – оба тощие и высокие, с обилием инфоколец на пальцах.

Тро ожидал сбора кандидатов, сидя на жесткого вида стуле посреди подиума. Он хранил молчание, рассматривая нашу толпу, однако я замечал, что взгляд то одного, то другого

соискателя – что из русскоговорящей группы, что из иностранных – то и дело замирает на его худощавой фигуре. Слышались удивленные возгласы. Похоже, масейчар Орбитали был популярным в сети человеком.

Хотя чего удивляться? Шел третий день, как Орбиталь опубликовала сообщение о своем потрясающем открытии и смелых намерениях. Достаточно, чтобы новости расползлись и по региональным сетям. Наверняка лицо Тро уже примелькалось большинству пользователей.

Тем временем масейчар выпрямился. Кандидаты разом смолкли. Тишину нарушал только воспроизводимый стеной шум волн – на панели шла картинка с забортных сенсоров «Стартовой».

– Соискатели, – раздался знакомый негромкий голос. Шумодавы работали идеально, и определить язык, на котором заговорил с нами Тро, я не смог. – Благодарю вас за проявленную смелость. И пользуясь случаем, напоминаю, что нам понадобится не только отвага. Но прежде всего – адское терпение, великое трудолюбие и умение выдерживать общество друг друга, – он сделал четко выверенную паузу, давая сдержанным смешкам пронестись по аудитории. – К счастью, это именно те качества, которые моя клиентела столетиями училась искать в людях.

Раздался шорох. Из глубины подиума выехала тележка-этажерка, на ней громоздились ярусы каких-то небольших черных ящичков.

– Поскольку мы с вами собрались на борту этого корабля, я полагаю, что никто из вас не желает идти на попятную. И все же, соискатели, я обязан вас предупредить. Это очень рискованное предприятие. Если кто-то пошел за нами из боязни неактуального статуса – опасности, стоящие перед нами, перевешивают эту угрозу. Я говорю – если есть желающие отказаться, последний раз прошу их откликнуться. Никто вас не осудит.

Тро ждал в молчании. Наконец раздался какой-то шум, и в задних рядах один за другим встали трое – один, похоже, японец, вторая – рослая светловолосая женщина из англоговорящих, третий – смутно знакомый по Талнаху спутник Корчмаря. Они с масбезом переглянулись, Корчмарь коротко мотнул головой. Мужчина ответил «лисыим» салютом, прикоснувшись к клейму, и быстрым шагом вышел из зала.

– Благодарю, – Тро кивнул оставшимся двум. – Возвращайтесь в свои каюты. Спасибо, что избавили нас от напрасного труда, граждане.

Когда за блондинкой и японцем захлопнулась дверь, Тро снова перевел взгляд на нас.

– А вам спасибо, друзья, за готовность к испытаниям. Приступим. Соискатель Эбернейт Хенри! Подойдите ко мне.

Слева поднялся собеседник Библиуса. Оглянувшись на спутницу, зашагал по проходу между креслами.

– Айдим – в режим служебного доступа, – приказал Тро.

Хенри чуть не уронил айдим, доставая из-за пояса. Наконец его усаженные кольцами пальцы справились с контактами, и он протянул его Тро. С тихим щелчком масейчар соединил оба девайса световодом.

– Повторяй за мной. Я, Эбернейт Хенри, основной ник – Лазар, 2734 года рождения, заключаю базовый рабочий контракт с государствообразующей клиентелой Орбитальные Предприятия.

– Я, Эбернейт Хенри, основной ник – Лазар, 2734 года рождения, заключаю базовый рабочий контракт с государствообразующей клиентелой Орбитальные Предприятия, – послушно проговорил Хенри. На его лбу проступили капли пота, несмотря на отлично

работающий климатер. – До конца своей жизни я клянусь усердно и прилежно трудиться на благо своей клиентелы. Я клянусь быть ей верен и блюсти ее интересы. Я принимаю на себя все права и обязанности клиента Орбитальных Предприятий...

– Я, Эбернейт Лана, основной ник – Эл-Лент, 2734 года рождения, заключаю базовый рабочий контракт с государствообразующей клиентелой Орбитальные Предприятия...

– Я, Акулов Руслан, основной ник – Акрус, 2730 года рождения...

– Я, Акахиро Стюарт, основной ник – Ройнин, 2722 года рождения...

– Я, Чалмерс Саманта...

– Я, Хейр Джим...

– Я, Койни Джеймс...

– Я, Ковалева Чин...

– Я, Кейлна Йоко...

Контрольная панель потеплела под пальцами, когда я набивал личный код, уколола глаз красным огоньком лазера. Такие ритуалы, как заключение базового контракта, требовали прямого контакта айдыма работника и эйчара клиентелы.

Тро подключил мой айдим к сети Орбитали. Запустил на обоих режим документарной записи.

– Я, Леоненко Дмитрий, основной ник Димер, 2735 года рождения, заключаю базовый рабочий контракт с государствообразующей клиентелой Орбитальные Предприятия, – проговорил я, чувствуя себя немного неловко. Пафосные формальности заключения базового контракта волнуют только в первый раз. На панели айдыма развертывался в такт моим словам текст присяги. – До конца своей жизни я клянусь усердно и прилежно трудиться на благо своей клиентелы. Я клянусь быть ей верен и блюсти ее интересы. Я принимаю на себя все права и обязанности сотрудника Орбитальных Предприятий. Я соглашаюсь с правом Орбитальных Предприятий определять мое местожительство, род занятий и состав семьи. Я принимаю обязанность Орбитальных Предприятий предоставить мне рабочее место, содержание и жилье, а также защищать мою и моей семьи личную безопасность всеми доступными им средствами. Настоящим я отказываюсь от всех прежних клятв и контрактов такого рода, довлевших надо мной. И если я нарушу условия контракта, то моя клиентела взыщет с меня нанесенный ущерб в полном размере. Я, Леоненко Дмитрий, клянусь в вышесказанном, о чем свидетельствует эта запись.

– Я, Тро Гарольд, масейчар Орбитальных Предприятий, от лица своей клиентелы принимаю эту клятву, – прозвучал глухой голос Тро. – И клянусь предоставить тебе рабочее место, содержание и жилье, и защищать твои интересы, как любого из сотрудников клиентелы. Я, масейчар Орбитали, клянусь в вышесказанном, о чем свидетельствует эта запись.

Тро, не глядя, протянул руку назад, манипулятор тележки послушно вложил в нее черный ящичек с лого Орбитали. Крышка откинулась, и масейчар извлек отблескивающие малахитовыми разводами тонкие очки. Подключил их к айдымам, провел настройку.

Я принял легкий девайс. Опустил на глаза. Подождал несколько секунд, пока обстановка вокруг вздрагивала и рябила огоньками – и наконец-то увидел, как над лицами окружающих вспыхивают многоцветные иконки, стены расцветиваются мозаикой пиктограмм АС, а у запястья послушно замирает контекст-болл.

– Добро пожаловать в наши ряды, новичок, – с улыбкой хлопнул меня по плечу прошедший ту же процедуру за два человека до меня Крапивник. – Знаешь, у нас тут в

Орбитали есть свои порядки. Новенький обязан три дня подряд убирать каюту старшего товарища... Эй, ты куда это уставился?

– Это она, – проговорил я, не слушая Олега. Подстроил изображение в очках – и затряс головой, когда лицо стоящей на подиуме внезапно превратилось в улыбающийся смайлик.

– Масинф Чжоу, – Тро не выглядел удивленным. – Прошу вас убрать корректор-код из своих персональных данных.

Ответа встреченной мной в метеонише по левому борту незнакомки я так и не расслышал. И подозреваю, что не случайно – вряд ли сеть конференц-зала сама по себе дала сбой именно в этот момент.

– Видите ли, Ланцея, обговорив с вами детали заключения контракта, я попросил пару сотрудников из нашей Инфотехнической службы отследить, не возникнет ли каких-либо... необычных феноменов в тех фрагментах сетей, которые окажутся в пределах вашей доступности. Если вам это интересно, то идея маскировать командные скрипты в наведенных работой сторожевиков помехах на метеодатчиках была оценена ими как, цитирую, «блестяще извращенная, и передайте этому поганцу, чтобы он не пробовал влезть таким способом в коды реактора». Ваши заслуги по ликвидации уязвимости в сети «Стартовой» будут по достоинству оценены Орбиталью. А теперь, пожалуйста, сотрите все же хамелеона, которого вы попытались скормить моему айдиму под видом личных данных.

Если девушка и была смущена словами Тро, то хорошо сумела это скрыть. Ее рука метнулась в воздухе над айдимом, смайлик рассыпался рябью и собрался в знакомое высокоскулое лицо.

– Я, Чжоу Энн, основной ник – Ланцея, 2734 года рождения, заключаю базовый рабочий контракт с государствообразующей клиентелой Орбитальные Предприятия, – услышал я. С бесстрастным выражением лица Чжоу, похоже, наизусть, а не с листа, прочитала присягу, получила от Тро свой экземпляр очков, но надевать не стала – охватывающая ее лоб лента была британским «экзогейтом», причем если я не ошибся на таком расстоянии – прототипом седьмой версии, еще не выпущенной ОксИнфТех в серию. Орбитальские «селестиалы», надежные рабочие лошадки, по спектру возможностей и рядом не стояли с этой моделью.

– Ха, – заметил за моей спиной Крапивник. – Ну как минимум пара неоспоримых достоинств у нее есть. Теперь ясно, почему ты на нее запал.

– Запал? – я обернулся. – Да я и имя ее впервые слышу.

– Это не помешало тебе весь остаток вечера выносить нам мозг рассказами о своей прекрасной незнакомке, – язвительно напомнил Крапивник. – Ну вперед, дерзай. Значит, в ее возрасте она уже масинф? Надеюсь, в один прекрасный день ты после этого не проснешься официальным помощником младшего чистильщика канализационных отстойников где-нибудь на задворках Шелковицы.

– Знаешь, – произнес я задумчиво. – Я, пожалуй, передам Рыжей твое мнение насчет «пары неоспоримых достоинств».

– Ну вот, – вздохнул мой товарищ. – Угрозы и шантаж в ответ на дружеский совет и предостережение. И с таким человеком я отправляюсь осваивать новую планету!

– Прошу вас соблюдать тишину, схолколоны, – посоветовали очки голосом Тро. Сам Тро в это время принимал присягу Шагановой.

Еще десяток-другой обменов ритуальными фразами – и церемония была закончена. Впрочем, Тро не торопился нас распускать. Подойдя к краю подиума, он обвел взглядом

толпу людей и кружащие в воздухе личные пикты, между которыми уже начала тянуться паутина открытых бесед и металась облачка информационных блоков.

– Колоны! – заговорил он. – В ближайшем будущем ваш график будет более чем напряженным, как и мой. Я не буду отнимать у вас лишнее время. Но тем не менее, хочу сказать – добро пожаловать. Добро пожаловать в единственную ГОК за пределами этой усталой планеты, которая не забыла окончательно, что такое достоинство человечества!

Раздались аплодисменты, к которым присоединились мы с Крапивником, правда, больше для отчетности, чем по велению сердца. Тро коротко поклонился, колонны вставали, направляясь к дверям, паутина АС над их головами сминалась, распадаясь на сгущения по нациям и клиентам. Я попытался рассмотреть в ней иконку Ланцеи, но она, видимо, уже выскользнула за пределы сети конференц-зала.

Когда мы шли по коридору к каюте, я придержал встречного матроса за плечо.

– Опертех, – обратился я к нему. – Я вижу, масейчар Тро довольно известный человек, судя по тому, как его узнают с первого взгляда.

Моряк смерил меня взглядом.

– Ты идиот, схолколон? – осведомился он.

– Разъясни, – произнес я, внутренне подбираясь.

– Ты хочешь сказать, что до сих пор не в курсе, кто твой вербовщик?

– Слушай, друг, – произнес я, глядя моряку прямо в глаза. – Масейчар выдернул нас из Талнаха три дня назад. Большую часть этого срока я провел в дороге и отсыпаясь. Доступ к сети Орбитали получил только в Нориле. Несмотря на то, что я очень благодарен спейсерам, у нас как-то не нашлось свободного времени, чтобы познакомиться со всем ее персоналом!

Матрос покачал головой.

– Черт. В кубрике мне не поверят, когда я расскажу про вас. Сам патрон ОрбитПерсонали лично принимает этих людей в ряды орбитальщиков, а они даже представления не имеют об оказанной им чести! – он расхохотался. И оставил меня посреди коридора с разинутым ртом, мешать проходу товарищей.

Палящая жара просачивалась через герметичные двери и окна автобуса, плавил дорожное покрытие. Несмотря на включенные климатеры, внутри машины было жарко, будто в духовке.

Как местные жители, невзирая на яростное солнце, находили в себе силы оставаться на улицах, я понятия не имел. Автобус неторопливо полз между старинных, трех- или четырехвековых трехэтажных домиков, выполненных из бугрящегося декоративными вздутиями и каменными включениями ферропластика (в стиле двадцать четвертого века, как не преминул сообщить нам стюард). Мелькали за окнами местные уроженцы, краснолицые и низкорослые, одетые кто в современные термонакидки, кто в такие же допотопные, как и домики, укороченные джинсы и рубашки навывпуск. То и дело в толпе попадались черные монашеские рясы, как их обладатели умудрялись выносить зной – было тайной за семью печатями.

Еще одно непривычное зрелище. Подобно любому современному полису, Кито гордо возносил к небесам сверкающие башни хаб-блоков и промышленных корпусов. Но у подножия техношпилей раскинулась паутина этих самых узких улочек и старинных крыш, и притом – не фавелы пролсервов и неактуалов. Очки высвечивали пеструю активную среду, а судя по количеству харидотов, кружащих над домами и улицами, большинство домов были подключены к СПД. Таков был весь современный Кито – бурлящий сплав древних руин и космических технологий.

– Господи, – простонала Рыжая, безуспешно терзая климат-контроль своей накидки. Не добившись успеха, она сбросила ее на спинку сиденья, оставшись в легком топике. – Верните меня обратно в Сибирь! Скажите Тро, что я передумала!

– Дождитесь вечера, схолколон, – попробовал обнадежить ее стюард автобуса. – Такая жара стоит только в полдень. И сейчас в действительности не очень жарко. Посмотрели бы вы на нашу погоду в январе!

– У нас будет такая возможность, – заметил Библус со своего места мрачно.

– Здесь хотя бы нет гнуса, – включился в разговор Корчмарь. «Лисовин» откинулся на спинку своего кресла и, похоже, наслаждался теплом. – Так что не нойте, ребята. Помню одну ночевку в болотах с отключенными накомарниками. К утру нас погрызли так, что щеки не помещались в шлем.

Я с тоской оглянулся на доминирующую над полисом громаду Марискаля. Затем перевел взгляд на заснеженные вершины вулканов на горизонте. Они навевали мысль о прохладе и льде... стакане холодной воды со льдом... Я встряхнулся. Эх, сейчас бы выйти из автобуса, подойти к бьющему на перекрестке улиц фонтанчику... вон к тому торговцу в шляпе и термонакидке, сидящему рядом со своим холодильником...

Увы, выпускать нас наружу никто не собирался. Более того, в воздухе над нашей кавалькадой летело звено сторожевых дронов. Уж не знаю, кого спейсеры опасались на улицах собственной наземной столицы, но осторожность проявляли едва ли не параноидальную.

Тем временем мы выбрались из тесной улочки на какую-то из главных городских магистралей. Мелькнула заполненная народом площадь, большую часть которой занимал погодный купол. При его виде наш гид торопливо перекрестился – под пластиком купола

виднелись очертания двухэтажного здания с двумя готическими башенками посередке, каждая увенчана католическим крестом. АС добросовестно проинформировала, что мы проезжаем мимо реконструированного монастыря Сан-Франциско более чем тысячелетней давности. Автобус прибавил ходу, вокруг мелькали старинные и современные здания, погодные купола, один – громадный, укрывающий целый застроенный холм. Мы проехали между двумя жилыми башнями, сверкающими на палящем солнце, и наконец выбрались за пределы города.

Я подсознательно ожидал, что мы очутимся в густом тропическом лесу – со смыкающимися над головой кронами, увитыми лианами, по которым носятся обезьяны и перепархивают разноцветные птицы, короче говоря – в той самой сельве, о которой сейчас можно прочесть разве что в исторических романах. Но предместья Кито на первый взгляд очень походили на предгорья Заилийского Алатау, куда нашу группу вывозили на первой и единственной – до этой недели – нашей зарубежной командировке. Прокаленный солнцем простор, колышание трав, рассеченное линиями трасс, длинные свечи тополей-ветролов, сомкнутым строем держащих оборону по краям дороги. Голубые вершины гор, подпирающие горяче-синий горизонт.

Впрочем, пейзажем мы любовались недолго. Почти сразу же перед нами замаячила убегающая к горизонту труба магистрали ТрансАма. Нависал над транспортными развязками серый матовый цилиндр железной дороги, к ее боку жалась полупрозрачная змейка служебной автострады. Отстояв небольшую очередь на погрузку, наш автобус нырнул в разверстную пасть контейнера. Пол завибрировал – включился транспортер. Через двадцать минут и несколько ощутимых рывков, пока нас цепляли кранами и перегружали на борт поезда, дрожь превратилась в размеренное покачивание, и до наших ушей донесся ритмичный стук колес на стыках рельсов.

Можно было бы переключить окно автобуса на внешние камеры магистрали. Наверное. Но жара, немного схлынувшая после въезда в магистраль, разморила меня, и лезть в настройки было лениво. Резкая смена температуры, атмосферного давления и суточного ритма выбивала из колеи, будто удар по моей бедной голове, даже присадки из медпака автобуса помогали мало.

Сквозь панели сочился тусклый трепещущий свет, я запустил в очках плейлист из скудного набора «целестиала» и принялся просматривать свежие новости.

«Оба консула Секунды выразили поддержку осуществляемому Орбитально неслыханному по своей масштабности проекту...

Его Величество Уильям XIII призвал к осторожности при рассмотрении «рискованных инвестиций с предельно отложенной окупаемостью в космической сфере»...

Премьер-директор Израиля и директорат Шеньян-Ксин при посредничестве Арбитража достигли договоренности по демаркации границ в районе Южного Чад...

Кардинал Медина в ежегодном послании пастве сравнил спейсеров с моряками Колумба и Магеллана и призвал святого Христофора «не оставить в безвоздушной ночи движимых верой странников»...

Арктика выразила готовность предоставить Орбитали право выкупа мастерских рабочих контрактов для привлечения специалистов к проекту «Кементари»...

В районе Хабаровска произошла очередная трехсторонняя стычка между мобильными бандами, военизированными отрядами таблигитов и красноярской Самозащитой...»

Я вздохнул. Лимит на межсетевую переписку, предоставляемый Орбитально, составлял

до десяти трансмесседжей в месяц, и по красноярским меркам это был царский подарок. Я успел, тем не менее, выбрать его наполовину, отправив три письма родителям с Ирккой и получив от них два ответных. Обстановки на границе Ирка и мать старались не касаться, но даже по обмолвкам было ясно, что рост напряженности чувствуется и внутри полиса. Отец кратко упомянул, что местную клиентелу Самозащиты могут переподчинить командованию Линейных Сил, что тоже было тревожным знаком.

Я оглянулся на Корчмаря. Интересно, застал ли «лисовин» Алтайскую войну? По возрасту – вполне мог. Может, поговорить с масбезом о своих опасениях?

Мне вспомнились вардроны, чей боевой строй прикрывал «Стартовую» все время нашего пребывания на ней. Было ли это сделано по случаю внеплановой посадки тандема? Или Орбиталь не желает оставлять свой корабль незащищенным в такой близости от территориальных вод Алланезии? А то и самого Пацифика? Несмотря на жару снаружи, по моей коже пробежали мурашки.

Через некоторое время я вдруг сообразил, что перед глазами давно стоит не хищная красота боевой машины, а другое, не менее приятное воспоминание. И невольно покраснел. Который раз я вспоминаю, как порыв тихоокеанского ветра отбрасывает непослушные волосы Ланцеи?

Все-таки лагерь для перемещенных лиц плохо сказывается на уровне интеллекта. Стоит несколько месяцев посмотреть на тупые рыла «сохатых», и уже первое встреченное симпатичное личико не желает выходить из головы. Крапивник сам не подозревал, насколько близки были его шуточки к действительности. Не те, что насчет «неоспоримых достоинств»... ну, впрочем, и те тоже!

Поезду потребовалось около двух часов, чтобы доехать до нужного нам выхода из магистрали. Мы выгрузились из контейнеров, двигаясь в плотном потоке грузовиков, проскочили погрузочный терминал и развязку на выезде – и дружно прилипли к окнам.

За магистралью высились мшистые склоны и пологие обрывы андского низкогорья, кое-где покрытые темно-зелеными купами кустарника, вдалеке между горными массивами блестела водная гладь большого озера. Но не знакомый по записям горный пейзаж, хоть и, бесспорно, красивый, приковал наше внимание. Мы смотрели вперед, на дорогу, убегающую вдаль по широкому плато. От магистрали до смутно проступавшего на горизонте западного горного хребта – целиком занятому нагромождением забетонированных площадок, жилых и промышленных блоков, железнодорожных путей и пластиковых времянок. И ровной шеренгой металлических махин, выделяющихся даже на фоне жилблоков.

Тянулись ввысь кабель-мачты, пусковые фермы распаивались над горловинами шахт, будто лепестки огромных металлических цветков. В отдалении полыхали зеркальным блеском газовые резервуары и белели купола прядильных систем. Вокруг стартовых столов сутились крохотные черные фигурки – как люди, так и дроны, будто муравьи в муравейнике. В воздухе висело не меньше полусотни кольцевиков, от одноместных «скайеров» и флайсьютов до монструозных летающих кранов и сверхтяжелых грузовых платформ.

– Такое здесь не часто увидишь, сеньоры, – сообщил очнувшийся от сиесты стюард. – Когда-то здесь был главный космодром Орбитали, но при моем прапрадедушке его прикрыли, и оставили только посадочную полосу для тандемов. Она там, дальше, за стартовыми столами. Все эти фермы собирались в скором времени порезать на металл. Но тут Орбиталь получила эти знаменитые данные с зондов и посмотрите! На следующий день тут было больше людей и дронов, чем я видел за всю свою жизнь!



Автобусы свернули правее, объезжая всю эту промышленную вакханалию. До нас доносился приглушенный грохот, слитное гудение сотен кольцевых моторов. Кавалькада проследовала мимо стартовых площадок, миновала лабиринт складских комплексов величиной с крупный жилблок, и наконец, въехала на улицы крохотного то ли городка, то ли сада – небольшие двухэтажные купола утопали в панамских пальмах и апельсиновых деревьях. Над деревьями и куполами висели немногочисленные иконки АС. Если бы не слышные даже отсюда звуки космодрома – можно было бы подумать, что находишься в каком-то сельскохозяйственном парке.

Наша колонна проехала по аллее из плотно стоящих деревьев, чьи кроны сплелись в плотный зеленый полог, миновала улочку из жилых куполов и наконец, въехала, видимо, на главную площадь этого города в миниатюре. Возникла небольшая толчея, пока дроны перестраивались из колонны в ряд.

– Сеньоры и сеньориты схолколонны, наша поездка закончена. К вашим услугам был оперсерв Ян Штецци, – стюард поклонился.

Едва мои ноги коснулись брусчатки, как передо мной возникла женская фигура. Прорисованная довольно качественно, но если присмотреться – становилось видно, что ноги синта не касаются камней.

– Схолколон Леоненко, – пропела синт. – Прошу следовать за мной к пункту проживания.

Следовать за нарисованной девушкой было все же приятнее, чем за помигивающей указующей точкой айдима. Подкатившие тележки взвалили наши пожитки – у кого они были – себе на спину и пристроились сбоку от нас. Крапивника и Ленку синты вели, очевидно, той же дорогой, что и меня, кроме них, знакомых я не увидел – Анастасия, Корчмарь и Библус оказались распределены в другие группы. Остальные мои будущие соседи были, как подсказала АС, в большинстве своем из числа католиков, австралийцев и пацификов, так что разговор не спешил завязываться. Синт неспешной походкой, иногда сливаясь боками с колонами, шла куда-то в глубину аллей, мимо одинаковых зданий кремовой расцветки с повсеместными здесь, похоже, эллипсами Орбитали.

Общежитие, в котором нам предстояло коротать ближайшие три года, оказалось таким же трехэтажным зданием с широким крыльцом и большой рекреацией-фоном на первом его этаже. В данный момент фон демонстрировал на звездном фоне какую-то космическую конструкцию в виде сплетения металлических ферм. В коридор второго этажа выходил длинный ряд пронумерованных дверей, синт распахнула ближайшую к нам.

– Ваше предписанное жилище, схолколон, – произнесла она. Вам дается время до вечера для отдыха и знакомства с Центром подготовки. Завтра в 9-00 прошу вас прибыть в медицинский комплекс номер 12-А. Ваши вопросы?

– Вопросов нет, – произнес мой сосед, очень смуглый и черноволосый австралиец лет двадцати, одновременно со мной заходя в комнату. Синт растаяла в воздухе. Стерни приоткрыл дверь санузла.

– Лимит воды десять литров на человека, – недовольно заметил он. – Не густо.

– В Талнахе было пол-литра, включая питьевую, – ответил я, обследовав шкаф для одежды со стандартным ее комплектом, а затем перейдя к холодильнику. Я надеялся обнаружить что-то из напитков, но надежды оказались тщетными – лишь паек из запечатанных буханок, консервов и овощного салата. Настройки пищераздатчиков тоже не баловали разнообразием. Я рассмеялся про себя. Как скоро мы забыли меню из чанины с

агентировкой!

Сквозь закрытую дверь протянулась ниточка беседы.

«Мы с Рыжей через час планируем пройтись ногами до того самого медкомплекса 12-А.

Ты с нами?»

– Посмотрим через час, – ответил я, качнув болл. Стерни обернулся, натолкнулся взглядом на гаснущую беседу.

– Димер, – я протянул руку. – Из Тюмени, из Красноярска.

– Геккон, – стерни ответил рукопожатием. – Пескоройка, – и, видя мое непонимание, – я из Ордполиса. Так ты из тех ребят, которых Орбиталь загнала сюда силой?

– Мы в Сибири зовем это «добровольно-принудительным методом», – криво усмехнулся я. – А вы здесь как оказались? По приглашению?

Геккон кивнул.

– Это интереснее, чем до конца жизни следить, исправно ли растут помидоры. Кураторы разрешили спейсерам вербовать ребят из учебных групп, человек сорок из клиентелы вышло добровольцами, и Орбиталь выкупила половину за символическую цену. И вот теперь я здесь, – он плюхнулся на соседнюю койку. – Ну если спейсеры не решат, что я недостаточно крут для участия в их межзвездной супервечеринке. А вы часом не собираетесь податься в бега?

– С какой целью интересуешься? – вырвалось у меня.

– Уж не для того, чтобы заложить безам, – фыркнул Геккон. – Мне просто интересно. Знаешь, генетическая память, происхождение от каторжников и всякое такое.

Я покачал головой.

– Я никуда бежать не собираюсь. Здесь сытно кормят, хорошо снабжают...

– И эта затея выглядит достаточно безумной, чтобы прийти мне по нраву, – перебил меня Геккон. – Опять же, если бы ты и собирался дать деру, ты бы все равно не рассказал об этом первому встречному? Ладно, не парься, приятель схолколон. Я просто хочу знать, что врать спейсерам, если ты вдруг растаешь среди ночи.

Вместо ответа я плюхнулся на соседнюю койку и задрал на нее ноги. Кинул беседу Крапивнику с Рыжей.

– Ребята, предложение еще в силе? Меня тянет на прогулку.

– Заходи через полчаса, – через некоторое время ответила Ленка коротко.

– Принято, – беседа оборвалась.

– Планируешь прошвырнуться? – тут же переспросил Геккон.

Черт побери. Я провел в обществе нового соседа не больше пятнадцати минут, но он уже начал меня раздражать. Я вдохнул-выдохнул. Поспокойнее, Димер. Что там говорил Тро про умение «терпеть общество друг друга»?

– Да, осмотрюсь на местности, – сухо ответил я, рассматривая план городка. Медицинский комплекс 12А, кажется, располагался в полукилометре отсюда, по другую сторону квартала.

– Здоровое решение. Потом расскажешь мне, что да как.

Я постарался выдохнуть как можно незаметнее. Кажется, мои худшие опасения – что болтливый сожитель увяжется следом – не оправдались.

Я заглянул в личный шкафчик, обнаружил там пакет с туалетными принадлежностями. Скормил упаковку утилизу и направился в санузел, решив умыться после дороги, пока есть время.

Вечерело. Мы втроем шли по освещенной редкими фонарями квартальной площади. Вокруг столбиков кружились мошки, дневная жара сменилась прохладой. Мы уже побывали и в медкомплексе, и в учебном центре, где нам предстояло начать подготовку по завершении медицинской экспертизы.

Центр, надо сказать, произвел на меня впечатление. Внутри непритязательного с виду здания скрывался блестящий металлом и пластиком научный городок. Даже учебка ТюменьАгро не могла похвастаться таким оборудованием. Тут были и погодные биокупола с девяностопроцентным циклом, и агрохимические лаборатории, и секвено-редактирующие комплексы с инкубаторами. Про АС и говорить нечего – даже в демонстрационном режиме она порой загоразивала собой стены лабораторий.

– Крапивник, Лен, – прервал я молчание. – Что вы думаете об этой затее?

– Конкретизируй, – попросил Крапивник. – О какой именно?

– Проект в целом.

Некоторое время Олег размышлял.

– Если бы меня спросили о ней недели две назад, я бы посмеялся. Сейчас похоже, что спейсеры настроены серьезно.

– Сложно дурить голову такой массе народу, – задумчиво протянула Рыжая. – Тро тоже искренне верит в то, что говорит. А к чему это ты?

– В любом случае, сомневаться поздно, – подхватил Крапивник. – Мы на это сами подписались.

– Да, – я сорвал листочек астрониума и растер между пальцами. – Просто такое чувство, что все это не по-настоящему. Какой-то грандиозный маскарад... шутка... Будто очутился на страницах скверного романа.

– Думаешь, спейсеры могут свернуть Проект?

– Не знаю, – Ленка с сомнением покачала головой. – Они слишком широко о нем говорят, чтобы поворачивать обратно... а готовятся, похоже, очень давно. К тому же мы ничего не теряем в этом случае, верно ведь?

– Черта с два, – возразил Крапивник. – Оказываемся в чужой стране без денег и контрактов гражданина. Или ты думаешь, что в таком случае их будут сильно заботить условия договоров?

– А то в Талнахе мы находились не на волосок от неактуалки, – напомнил я.

– Да, только там мы были хотя бы у себя дома, – Олег сделал движение щеками, будто хотел плюнуть, но сдержался.

– Жаль, «сохатые» были не в курсе, – буркнул я.

– А, катись оно конем, – Крапивник махнул рукой. – Прорвемся, Димер. В любом случае, а? Тюменских ребят не так легко взять за глотку! – он ткнул меня в плечо.

Я улыбнулся.

– И здесь потеплее, чем в Нориле, – добавила Рыжая. – Мне не верится, что мы в горах. Жара, как в топке!

– Местные зовут это «прохладой», – вздохнул я, вспомнив успокаивающего пассажиров Штецци. – Ребята, по-моему, нам что-то недоговаривают. Мне кажется, Орбиталь на самом деле готовит нас для колонизации не Кементари, а того, что поближе. Например, Венеры.

– Судя по здешней погоде, ты, как всегда, неоправданно оптимистичен, – замотал головой Крапивник. – Я думаю, они начнут с Меркурия.

По аллее разнесся наш дружный смех. Когда все отсмеялись, Крапивник рассказал анекдот про организованную директоратом Красноярска в ответ на успехи Орбитали экспедицию на Солнце. Шутка была древней, как копролит динозавра, но тем не менее вызвала новый приступ хохота. Так мы и ввалились в кампус, всхлипывая от смеха. Оставалось надеяться, что безы Орбитали не подумают, будто каким-то образом мы раздобыли во время прогулки нелегальные релаксы.

Вечер прибытия в Центр оказался, наверное, последним свободным временем в нашей жизни на многие годы.

Для начала на следующий день нас взял в оборот ОрбМед. Начались дотошные проверки на всех мыслимых тестах и видах анализаторов, полный джин-скрин, несмотря на наличие у ОрбМед спецификаций ИркГеномика, ввод кучи индикаторов – и старые добрые испытания на физподготовку. Психологические тесты – от заполнения анкет и рассматривания разноцветных облачков до нарочито оскорбительных допросов и искусно срежиссированных коллизий. Кое о каких нюансах тестирования (например, случай с вручную залатанным нами трубопроводом томографа) мы узнавали только очень постфактум. Иногда мне казалось, что пытливые медики Орбитали завели по облачку на каждую молекулу моего тела.

По моим прикидкам, отсеб составлял около тридцати процентов. К счастью для не прошедших тестов, Орбиталь держала данное устами Тро обещание – домой возвращались лишь добровольцы. В большинстве своем и принявшие участие в Проекте по собственной воле, и оставившие за спиной надежные рабочие контракты с родными клиентами. Тех, кто, подобно нам, попал в Проект из лагерей для перемещенцев и прочих неудобных местечек, спейсеры старались пристроить на какие-либо необременительные должности в Кито и Взлетном.

К счастью, из моих талнахских знакомых отчислен не оказался никто – хотя Библус и был на грани дисквалификации по весовому недобору. Лагерное меню вообще не способствовало набору веса. Так что неомифер отделался переводом на усиленное питание. Его я видел не каждый день – Библус оказался прикреплен к строительной группе Проекта и поселился в дальнем от нас конце Центра. То же было и с Корчмарем и Шагановой, назначенными, соответственно в силовую и медицинскую группы. С живущими напротив Крапивником и Ленкой сталкивался ежедневно.

К несчастью, испытания выдержал и Геккон. Уж не знаю, кто из психологов Орбитали додумался поселить нас в одной комнате – с каждым днем мне все тяжелее было выносить его болтовню. Я старался либо отсидиваться в компании Крапивника, либо нырять в АС, отключаясь от этого назойливого жужжания над ухом.

Что же, за одно я мог быть благодарен лагерю – в тесных хабах Талнаха никто бы не продержался больше недели, не научившись отключаться от внешних раздражителей. Не совсем, конечно, это было бы опасным занятием – но уходить в себя, игнорируя вонь, духоту и тесноту переполненного барака. После него и мозговыносящая болтовня Геккона казалась легким неудобством.

Медицинское освидетельствование заняло у нас чуть больше трех недель. Наконец ОрбМед официально объявил, что остатки нашей волны признаны годными по здоровью и психопрофилю для участия в Проекте.

А на следующий день начались занятия, разом решившие проблему с надоедливым соседом.

Ведь когда у тебя совершенно нет свободного времени – тебе некогда ни молотить языком, ни слушать чужую болтовню.

По сравнению с подготовкой в Центре учебный курс ТюменьАгро казался детским образовательным роликом. Занятия продолжались по пятнадцать часов в день, и в АС-ке, и

вживую. Биохимия, микробиология, почвоведение, агрохимия, ботаника, семеноведение, фитопатология... Палеонтология, палеоботаника, климатология, первичная яваннография... Это только занятия по специальности – а еще были физподготовка, первая помощь и основы медицины, ремонт и управление техникой. Мозг закипал. Вернувшись с занятий, мы дружно падали на койки и проваливались в сон. Геккон вяло предположил, что в наши кровати встроено что-то вроде простеньких нейропунктурных генераторов, я устало рассмеялся. Темпы подготовки действовали не хуже любого снотворного, и грохот разрывающих небо ракет нам ничуть не мешал.

Орбиталь на самом деле расконсервировала лишь две старые шахты Взлетного. «Стартовая» работала с утроенной нагрузкой, посылая в космос тандем за тандемом, каждый день над нашим общежитием проносились ширококрылые громады садящихся разгонников. Ракетный старт использовался спейсерами только для малогабаритных внеплановых грузов, ради которых не стоило поднимать в воздух целый тандем. Но по мере того, как строительство «Звездного семени» продолжалось, таких грузов становилось все больше и больше – и вскоре грохот ракетного пуска сделался для нас будильником, а рев проносившихся над головой тандемов – привычным шумом.

И это – невзирая на то, что корабль по большей части строился из добываемых Орбиталью космических же материалов. По ночам небо чертили яркие звездочки межорбитальников, разгоняющих грузовые капсулы к Лагранжу и ХЕПОС. В скором времени о поддержке Проекта объявила не только Секунда – первоначально отнесшиеся к идее настороженно Владирос с Пацификом теперь тоже помогали материалами и производственными мощностями. Степень участия в Проекте на глазах превращалась в предмет соревнования для трех из четырех сверхдержав. Выступившая решительно против Проекта Британика хранила молчание, но по некоторым обмолвкам в ее новостных сетях было ясно, что и хозяева Североатлантики сомневаются, насколько разумным оказалось их решение и стоят ли репутационные издержки экономии финансов.

Впрочем, до нас новости международной политики добирались с большим запозданием. Не из-за информационной изоляции – просто времени на их изучение не оставалось. Слухи, услышанные от персонала спейсеров обрывки.

– Конечно, неправильно прямо отождествлять факторы почвообразования, действующие на нашей планете, с присущими Кементари. Проведенные лендерами заборы не выявили критических отличий почв в местах посадки от земных условий, но их инструментарий слишком ограничен. Тем не менее, структура и химсостав почвенного горизонта выглядят схожими с некоторыми земными аналогами. О чем это нам говорит, схолколон? – взгляд мастрейна Каскоса остановился на Фумихито Корнере.

– Что в зоне забора лендера-один мы можем констатировать влажный муссонный климат, – бойко ответил пацифик.

– Предположительно, – поправил его Каскос. – Формирование элливиально-глеевых горизонтов говорит лишь о переувлажнении почв, хотя в отсутствие конусов выноса мне затруднительно предположить другой его источник, кроме дождевых осадков. При этом развитие в юго-западных регионах материка луговых почв со следами промерзания говорит нам о ярко выраженной сезонности климата за пределами ограничивающих центральную зону горных хребтов. Итак, данные с зондов подтверждают то, что мы уже и так предполагали, исходя из характеристик планетарной орбиты. Какие же

сельскохозяйственные культуры наиболее оптимальны для высадки в изучаемом нами регионе? – теперь морщинистое лицо пожилого католика обернулось ко мне.

– Рисовые, – предположил я. – В луговых районах – зерновые, бобовые.

– Еще варианты?

– Можно применить гребневый посев. Это позволит выращивать миосою, снижая потребность в пастбищных землях, – словно бы думая вслух, произнес Крапивник, но мастрейн удовлетворенно кивнул.

Сам мастрейн Хосе, конечно, не собирался отправляться с нами в перелет – не позволял возраст. Более того, он даже не был сотрудником Орбитали – Центр пользовался его услугами по временному контракту с РондонАгро. Вообще многие из персонала были выходцами или контрактниками из Католической Федерации. Это и неудивительно – какие-то сто пятьдесят лет назад сам Эквадор входил в состав КФ, несмотря на то, что его экономика уже в те времена была процентов на девяносто завязана на спейсеров.

Да что там. Именно альянс с Орбитальными Предприятиями превратил Федерацию из горстки грызущихся территорий, вождеств и мобильных банд, наподобие нынешних Шелковицы, Гранд-Дакоты или ТрансКаспия, если не в державу первого мира, то уж точно уравнивал с Красноярском, Австралией или Калитексом. При этом ни Орбиталь, ни сами католики изначально не имели развитых технологий фитотронной промышленности. Орбиталь полагалась на экспорт как из КФ, так и с акваферм Пацифика, католики по старинке делали ставку на традиционное сельское хозяйство. К двадцать восьмому веку ситуация выправилась, но до сих пор немалая часть пищевой промышленности региона опиралась на пастбища Аргентины и пашни Бразилии. И в условиях нехватки квалифицированных специалистов (сельское хозяйство – не самая развитая отрасль инфраструктуры в условиях открытого космоса!) оставалась ближайшим для Орбитали их источником.

Мы сидели в одном из лекториев учебного комплекса, пронизанном лучами заходящего солнца. Конечно, занятие можно было бы провести и удаленно, но преподаватели Центра ценили возможность личного общения с учениками. Даже чересчур – если работать с образцами на поле или пастбище и вправду удобнее под куполом, то сегодняшней семинар ничего не потерял бы, проходи он в АС.

Надо сказать, и в нашем обучении упор делался на довольно допотопные методы хозяйствования. Это было очевидным – с полезной нагрузкой «Семени» захватить с собой цех по производству агентных присадок мы бы никогда не смогли, разве что ценой отказа от большинства прочего оборудования, включая станочный парк. Но методики, удобрения полей свежим навозом вместо компостной смеси... С моей точки зрения, Орбиталь перегибала палку. С другой стороны – пока мы не побывали на Кементари непосредственно и не познакомились с тамошними климатом, почвой и биосферой воочию, говорить о каких-то методиках было, мягко говоря, преждевременно.

Так или иначе, занятия у мастрейна Хосе мне нравились. Даже несмотря на то, что старик требовал усвоения материала исключительно на память, без применения АС и айдида. Я успел выучить названия, характеристики и наиболее подходящие для культивации культуры нескольких сотен разновидностей современных почв, да еще под полсотни видов палеопочвы. Это не говоря уже о вызубренных еще в ТюменьАгро характеристиках гидропонных сред. Мастрейн не ограничивался формальным пересказом учебного материала – как вот сейчас, он всякий раз заставлял нас рассматривать лекцию применительно к

предполагаемым условиям Кементари. Сопровождая рассказ иллюстрациями из собственного опыта работы на распахиваемых под пластшеницу, эйфориаки и сахарную свеклу просторах бывшей амазонской сельвы.

Еще с час продолжалось обсуждение предполагаемого состава почв Кементари применительно к современным и палеонтологическим земным аналогам. Мы организованной толпой направились к выходу из комплекса. В голове кружились температурно-солевые коэффициенты адаптации галориса, степени увлажнения и кислотности почв.

Выйдя на свежий воздух, я с удовольствием подставил лицо закатному солнцу солнцу, и тут же дернулся – бумага потерялась о сожженные на экспериментальной плантации шею и плечи. «Стоит вечером заказать у аптечки анальгетик», – подумал я, чертыхнувшись. Мы двинулись по покрытой гелевым тротуаром ферралитизированной андосолевой почве неоднородного гранулометрического состава и выраженной слоистости... Я потряс головой.

– Эй, приятель, – окликнул меня Геккон, оторвавшись от питьевого фонтанчика, – если ты еще способен оторваться от красот навозно-присадочного удобрения, у меня есть новости, которые могут тебя заинтересовать. И тебя тоже! – он призывно махнул рукой Крапивнику.

– Говори, – хмуро бросил Олег. В то время, как я более-менее притерпелся к бесконечному словесному потоку австралийца, Крапивник выдерживал общение с ним лишь в малых дозах.

– Насколько я понимаю, вы оба имеете отношение к сибирскому полису с непроизносимым названием, расположенному недалеко от чосонской границы? – уточнил Геккон. – Тогда ловите сигну.

Мы с Крапивником развернули ее синхронно. Несколько секунд вчитывались в текст – и молча переглянулись.

– Да, – Олег сочувственно посмотрел на меня. – По крайней мере, Самозащите удалось прикрыть полис. Но мне это не нравится, Димер.

– Мне не нравится еще больше. Хорошо, хоть ваши в Арктике, – пробормотал я.

– Знаете, парни, – Геккон замялся, что было на него совсем не похоже, – извините, если новости не вовремя. Но мне показалось, вам хотелось бы знать об этом.

– Могло быть и хуже, – бросил я. – Погибших нет, разрушений нет.

– И что теперь? – в пространство спросил Крапивник. Я не ответил – по параллельной аллее приближалась иконка Ленки. Я сбросил ей беседу.

– Хей, – Рыжая пружинистой походкой приблизилась к нам. – К чему нагружать АС-ку, когда мы все здесь? И что за мрачный вид?

– Хабаровск обстреливали с таблигитских территорий, – резким взмахом я переслал полученную от Геккона сигну.

Рыжая, как и мы две секунды назад, замерла. Подняла взгляд.

– Кто?

– Таблигиты, очевидно, – заметил Олег.

– Я бы и корейцев не исключал, – заметил я осторожно. – В сети поговаривают, Пхеньян был бы не прочь решить нашими руками харбинскую проблему.

– Я бы на вашем месте не болтал об этом в активной АС, – выдал шальную тавтологию Геккон. – Или вам хочется поближе познакомиться с безами спейсеров? Вы мне, конечно, не то что бы роднее братьев, но если я вдруг обнаружу ваши зубы в пищевом брикете, то рискую



отдать обратно уже проглоченный ужин.

– Геккон, – Рыжая скривилась. – Ты можешь не молоть чушь? Кого и когда орбитальщики прижали за разговор о политике? Мы же все-таки не в Алланезии!

– Может, потому мы о них и не слышали, что местные безы работают тоньше своих зарубежных коллег? – Геккон явно был готов развить тему, но видя, что мы не в настроении поддерживать его болтовню – как, собственно, почти всегда – вздохнул и покинул наше неблагодарное общество.

– У меня остался лимит на пару писем, – осторожно начала Рыжая. – Если хочешь связаться с родными...

– У меня еще есть, – ответил я, не покривив душой. – Спасибо, Лен.

– Обращайся в любое время, – махнул рукой Крапивник. – Димер, если я ничего не путаю, твой отец в Самозащите?

Я лишь кивнул.

– Ты же не собираешься аннулировать контракт? – еще осторожнее произнесла Ленка. Еще бы. Пару лет назад никому бы из нашей троицы не пришло в голову даже произнести такое. Тюменские события и Талнах слегка расширили наш кругозор... но все равно от ее слов по спине пробежали мурашки.

Мне понадобилось секунд десять на обдумывание.

– Я не идиот, – ответил я чуть резче, чем собирался. – Опять в Талнах? Да еще и с неустойкой орбитальщикам за плечами?

– Рад видеть, что здравомыслие тебе не изменяет, – пробормотал Олег. – Глубокий ж ты блок... Кто мог подумать, что до такого дойдет?

Ответ Ленки заглушил нарастающий за спиной отдаленный гул. Земля слабо задрожала. Над крышей учебного комплекса зажглось зарево, распахнулось огненным веером. Столб голубоватого пламени вздыбился над Взлетным, неся на себе сверкающую металлическую иглу. Увенчанная огнем колонна пара росла, тянулась к редким облакам. Налетел порыв ветра, слабо качнув листья вдоль аллеи. Вырывающаяся из дюз струя пламени превратилась в тонкую белую ниточку, клонящуюся к востоку.

– Девятичасовая, – констатировал очевидное Крапивник. По опыту мы знали, что ровно через полчаса Взлетный поднимет еще одну ракету с соседней шахты. Затем последует ночной перерыв и только в семь утра нас разбудит грохот очередного двойного пуска.

Мы задержались на крыльце – Крапивник закурил, несмотря на неодобрительное в целом отношение спейсеров к табаку, мы – просто составить ему компанию. Он неловко сдвинул сигарету не в том месте и ругнулся, когда она сломалась вместо того, чтобы затлеть. Извлек вторую и наконец-то запалил. Втянул в себя дым, глядя на темнеющее небо.

– Оставь огня, парень.

Мы обернулись.

– Масбез, – я пожал протянутую руку Корчмаря.

– Уже оперколон.

– Ох. Сорри, – я почувствовал, что краснею.

– Не в первый раз перевозжусь с понижением, – отмахнулся Корчмарь. У него были простенькие сигареты без зажигалки, и ему пришлось поджечь свою сигарету о кончик олеговской. Некоторое время оба курильщика портили свое здоровье молча. Мы с Ленкой переглянулись, та развела руками. Не будь рядом Корчмаря, я бы напомнил Крапивнику, что регулярные медосмотры никто не отменял. Но в присутствии «лисовина» чувствовал

неловкость.

– Корчмарь, – наконец нарушил я тишину.

– Ау, – благодушно отозвался тот.

– Слышали про Хабаровск?

Экс-«лисовин» помрачнел. Не отвечая, докурил. Отошел на другой край крыльца, жестом поманив меня за собой.

– У тебя родня в полисе? – прямо спросил он.

– Родители с сестрой, – подтвердил я. – Как думаете, чем это повернется?

Корчмарь потер скрипнувший подбородок.

– Бывал я в хабаровской Самозащите. Оборону Хабары затачивали с расчетом на чосонские страйкеры, схолколон. А все, что есть у таблитгов – старье, которое алланезикам было стыдно выставлять по музеям. Даже тамошняя Самозащита положит любые силы, что эти отморозки переведут через границу, на месте. А если подключатся линейщики – одна наша платформа остеклует все от Пекина до Харбина без ухода на перезарядку. Не волнуйся.

– А если это и есть провокация корейцев? – задал я тот же вопрос, что и Крапивнику.

– Ха, – глаза Корчмаря насмешливо блеснули. – Я смотрю, ты политически подкован, паренек. Вот что я тебе скажу – если Пхеньян и впрямь хочет пригласить нас разводящими в свои разборки, нашему директорату это как бы не на руку. И уж если корейцы решились на такое – они каждый нюанс этого фейерверка по двадцать раз согласовали с Красноярском! Оставь, парень. Пусть об этих вещах голова болит у дипломатов, – добавил он. И, шагнув в сторону Ленки и Крапивника, сказал: – Чего я хотел вам показать. Гляньте-ка на восток.

Мы дружно повернулись в ту сторону, куда указывал палец Корчмаря. В проеме между соседними кампусами, над изломанным краем горного хребта поблескивала четвертушка лунного диска, в стороне пламенело зарево от бесчисленных прожекторов Взлетного. Больше ничего примечательного в указанном направлении не наблюдалось. Скользили по небу, помигивая габаритами, два кольцевика, ползли по орбите звездочки спутников. Тусклый огонек Лагранжа горел рядом с лунным серпиком.

– Да левее же. Градусов на десять северней и на тридцать – выше, – поправил нас оперколон.

Я усилил чувствительность очков – и наконец различил над верхушкой дерева крохотную светлую черточку. Чуть вытянутый в длину тусклый огонек. Удивительно, как Корчмарь рассмотрел его невооруженным глазом.

– Это?.. – Рыжая приглушенно ахнула, не договорив.

– Да, – с непривычной для него мягкостью в голосе, пожалуй, даже благоговением произнес Корчмарь. – Это «Семя».

На секунду я забыл и о таблитгитском кризисе, и о сожженных плечах, и обо всем на свете. По спине пробежали мурашки.

Да, я знал, что межзвездный корабль, который доставит нас на Кементари, будет огромен – он и должен быть огромен, чтобы вместить всю непредставимую массу топлива, которая понадобится для полета. Но при виде того, как восходит над деревьями рукотворный астероид, уже достаточно большой, чтобы разглядеть его с расстояния в сорок миллионов километров, я впервые даже не то что понял – нутром прочувствовал подлинность той безумной затеи, в которой подписался участвовать. Осознал вложенную в нее массу ресурсов, денег и труда миллионов людей. Отчаянную храбрость, которая была нужна, чтобы сделать это безумие реальностью.

У меня закружилась голова. Звездная пропасть с плывущим сквозь нее кораблем нависала над нами, и мне казалось, что вот-вот наши ноги оторвутся от тротуара, и мы рухнем к этим бесчисленным солнцам. Я мог подключиться к АС, и светлая черточка оказалась бы снабжена подробным описанием – монтаж колец двигателя завершен на столько-то процентов... монтаж радиаторов завершен на столько-то процентов... монтаж осевого кия на столько-то...

– Ладно, – Корчмарь отбросил окурок в утилиз, попрощался с нами и пружинистым шагом ушел куда-то в сторону кампуса медгруппы. Олег докурил свою зажигалку, запрокинул голову, снова взглянув на слабо мерцающее в небе «Семя».

– Еще два года, и мы отправимся на этой штуке к черту на рога, – бросил он. – Оставив за кормой земные проблемы и войны. Что бы ни творилось с Республикой, да и со всей нашей злосчастной планетой, это будут уже не наши заботы. Мы неплохо устроились, верно?

– Не трави душу, Крапивник, – хмуро ответил я. – Ешкина мышь, помнится мне, в Нориле ты был готов глотки рвать директорату! Что же теперь, сам за них переживаешь?

– Димер, – Олег полоснул меня взглядом. – Ты прикидываешься, что ли? Или правда не видишь разницу между Республикой и админами?

– Все я вижу, – я сплюнул. – У самого противное чувство на душе. А толку-то? Ну что от нас зависит? Корчмарь вон вообще считает, что Красноярску это только на пользу. Или мы чего-то о тебе не знаем, и Республика прибегает к услугам непобедимого Оптимата-Крапивника при каждом международном кризисе?

– Катись к каипоре, – проворчал Крапивник, уже более добродушно. – Брр, я озяб. Ленок, пошли в комнату.

– Даже не буду спрашивать, что ты с таким интересом там рассматриваешь, – язвительно заметил чуть позже Геккон, застав меня разглядывающим через окно ночное небо. – Хотя подозреваю, подключись я к твоему входящему потоку, увидел бы немало способного вогнать в краску. О мой красноярский друг, позволь напомнить тебе о двух вещах. Во-первых, такое увлечение эдалт-трехмерками чревато для тебя серьезными проблемами в отношениях с противоположным полом и с пунктом Контракта 14-5. Во-вторых, насколько мне известно из заслуживающих доверия источников, кое-кто из проживающих в этой комнате самым бессовестным образом игнорирует выданное опертрейном Зумой задание.

– Господи, – я смущенно отключил запись с внешних камер ХЕПОСа. Висящее в пустоте гигантское двигательное кольцо, величиной больше самой станции, замерцало и растаяло. – Ты еще и взялся следить за нашей подготовкой?

– Должен же в этой экспедиции быть хоть один здравомыслящий человек, – довольно заявил Геккон, извлекая из раздатчика исходящую паром тарелку. – Жрать хочешь? С тебя три койна за обслуживание.

– Между прочим, я бы посоветовал тебе самому побеспокоиться насчет вышеупомянутой проблемы. Девушку, достаточно сумасшедшую, чтобы выдержать твою болтовню больше пяти минут, руководство Орбитали вряд ли сочтет пригодной по психопрофилю для межзвездного путешествия.

– О-о! – Геккон воздел палец и расширил глаза. – Исторический момент! Спустя пять минут наш сибиряк придумал ответную шутку! Жаль губить на корню твои трогательные в своей неуклюжести порывы, но, боюсь, схолколон Деверо не согласна с твоим столь ценным для нас мнением.

– Оливер, а ты в курсе, что законы Орбитали запрещают втайне подсыпать девушкам

секс-наркотики? – с легким деланным беспокойством проговорил я.

– Что? – с ужасом переспросил Геккон. – Вторая шутка за три минуты? Жди здесь, никуда не уходи! Я немедленно вызываю медслужбу! Постарайся вспомнить, что попало в твой организм? Это было на занятиях? Или ты надышался сырой пряжи?

– На Кементари я тебя пристрелю, – поклялся я, упал на кровать и натянул на голову подушку.

Шаг. Шаг. Шаг.

Ветер гонит красно-бурый песок к горизонту. Солнечный диск медленно, словно нехотя ползет по белесому небосклону.

Шаг. Шаг. Шаг.

Не надо считать шаги. Так тяжелее. Вообще не надо думать. Просто иди. Забудь о мозолях на ногах, о давящем на плечо шесте, о качающейся впереди спине Крапивника. О языке и губах, превратившихся в высушенную подметку. О пробирающемся под куртку холоде.

Мой взгляд падает на многоцветную шевелюру Филис. Странно. Прошло уже четыре века с тех пор, как начались активные эксперименты с человеческим геномом, а все, чего наша цивилизация добилась – это чисто косметические модификации. Адаптировать под задачу психологический профиль или физические характеристики? Пожалуйста, но не вздумайте выходить за пределы естественного разброса параметров, иначе взаимосвязанные и усиливающие друг друга побочные эффекты трансформаций к моменту полового созревания превратят будущего генетического раба или супервоина в существо, неспособное выжить вне инкубатора. Научить клетки синтезировать необходимые организму белки? Без проблем, пожалуйста, укажите, в каком возрасте вы планируете заболеть пневмонией, а в каком – заразиться взрывным анкилозом. Вырастить оторванную руку? Любые ваши пожелания, приходите еще, когда задумаетесь об ее ампутации. Профилактика генетических заболеваний? Ограниченная коррекция внешности и психопрофиля? Продление срока жизни до ста двадцати лет? Что же, здесь у нас есть реальные результаты, если вам не жаль потратить немалые деньги и время ради здоровья и долгой жизни. Остальные задачи, связанные с методами коррекции человеческого генотипа, куда проще решать наноагентикой и продвинутой биохимией. Слишком сложную систему представляет собой человеческий – да и любого млекопитающего – геном и эпигеном, слишком много завязанных друг на друга факторов приходится удерживать в строжайшем равновесии.

Нет. Отвлеченные размышления о закономерностях развития технологии помогают слабо. Воздух сушит слизистую, хорошо еще, привыкший к эквадорскому высокогорью организм не протестует против скачка давления. На горизонте высится громада шестикилометровой горы с непроизносимым названием.

Самар что-то хрипло напевает без слов. Или постанывает. Сколько до точки эвакуации? Два дня, три? Карта хранится у Лазарева, а айдимы и очки остались в кольцевике. Первый день мы чувствовали себя слегка дезориентированными, на второй стало не до такой ерунды – марш-бросок в условиях жесткой экономии воды на тридцать километров, несмотря на все тренировки, не оставлял в голове места для посторонних мыслей.

Я периодически переводил взгляд на восходящее на белесый небосклон солнце. Оно неторопливо поднималось из-за синеющих вдалеке вершин гор. Холод отступал, но слишком, на мой вкус, медленно. Знание, что ближе к полудню он сменится изнуряющей жарой, не слишком согревало.

Через какое-то – довольно долгое – время на горизонте показались слишком правильно расположенные, чтобы быть естественной игрой рельефа, неровности. По мере того, как мы приближались к ним, наша догадка подтверждалась – останцы все как один имели форму

ровных четырехугольников, а когда мы поравнялись с ними, стали видны и остатки приближающегося к селению с севера растрескавшегося и истершегося дорожного полотна. Посередине руин громоздились остатки какого-то чуть лучше сохранившегося здания – или двух, стоящих рядом, белела сохранившаяся мраморная колоннада.

Оперколон вскинул руку, останавливая колонну. Я опустился на придорожный камень, радуясь минутке отдыха. Краем глаза я видел, как Лазарев о чем-то совещается с Элгарием, соотечественником Геккона и в прежней жизни фанатом походов по пустыне, и Нидлером, старшим в нашей группе пятидесятилетним чернокожим уроженцем Фриско. Стерни и калитекс задумчиво рассматривали карту.

– Я рад, что мы числимся в Сельскохозяйственной секции, – на меня упала тень Крапивника.

– Да? – хрипло откликнулся я.

– Да. Разведчикам такие приключения, говорят, выпадают по несколько раз в месяц.

Я пожал плечами. Солнце забиралось все выше, холод отступил, и я раскинулся на камнях, радуясь теплу, будто ящерица. Горло требовало хотя бы глотка воды, но я помнил, что теплой и солоноватой жидкости в моей фляжке должно хватить на три следующих дня.

– Подъем, – прервал отдых голос владиросца. – Хорошие новости. Эта дорога выведет не совсем к точке эвакуации, но достаточно близко от нее. И мы сэкономим время, идя по асфальту.

– Может, остановимся на привал в развалинах? – Дофия, бывший микоагентщик РосариАгро, указала на обветренные остатки древнего поселения. – Здесь может оказаться даже колодец.

– Помнишь, из-за чего сбежало местное население? – возразил ее супруг, Мигель. – Я бы не рискнул пить эту воду.

– С тех пор прошли сотни лет, – возразил Нидлер. – И здесь есть укрытие от солнца. Что скажете, оперколон? – старому калитексу было тяжело выдержать заданный группой темп, несмотря на завидное телосложение, но недовольства он не выказывал.

– Отмечается, – Владимир покачал головой. – Мы теряем темп, колонны. Вы же знаете, что наша задача – уложиться в трехдневный срок. Не сделаем – будут неприятности. Мы не можем ждать обеда в тенечке. Построиться!

Мы с Крапивником подхватили баул с четвертью нашего запаса продуктов, взвалили шест на плечи. Ветер бросил пыль в глаза, я закашлялся. Заскрипел песок под ногами.

– Если тут и был колодец, его давно засыпало песком, – услышал я негромкое замечание Элгария. Вот кто держался молодцом, невзирая на тяжелый рюкзак и жажду. Даже начал насвистывать в такт шуму ветра среди полурассыпавшейся кирпичной кладки.

Медленно, но верно руины поселка скрылись за придорожными возвышенностями. И вновь потянулась серо-желтая равнина, кое-где вздыбленная холмами и увалами. В низинах из песка пробивались черные жесткие ветви. Я знал, что местным растениям хватает скудной росы, слегка увлажняющей за ночь камни и кору, да дождя, проходящего здесь несколько раз за год. И все равно удивлялся этой потрясающей демонстрации живучести.

Песок скрипел под ногами, поклажа давила на плечи. Похоже, я все-таки задремал стоя, потому что вернулся к реальности, лишь услышав ожесточенную перебранку в хвосте колонны. Вскинул глаза, ища источник шума.

– Да провались оно все в глубокий блок! – яростно выкрикнул Самар. В руке католика была зажата явная улика – фляжка с отвинченной пробкой. – Мне виднее, когда выпить эти

капли! Иисус и Мария, если я сейчас не глотну воды – не смогу пройти и шага! Какого дьявола вы мной распоряжаетесь?

Парагваец был на голову выше Лазарева и пошире его в плечах. Если дойдет до мордобоя на маршруте... Не то, чтобы я сочувствовал владиросу, но понимал, как такой эксцесс скажется на всей группе. Рядом находилось не меньше десяти человек – и все выпученными глазами смотрели на неслыханное зрелище, схолколону, посмевшего повысить голос на старшего по рангу админа.

Я и Крапивник переглянулись, без слов поняв друг друга. Мы стояли достаточно близко, чтобы повиснуть у Самара на плечах.

Но не успели.

Лазарев шагнул вперед. Он не замахивался на здорового Самара, не делал ни единого угрожающего движения. Но Самар резко попятился от владиросца, запутался в собственных ногах и, потеряв равновесие, рухнул на песок. Нелепо взмахнув рукой, сжимавшей флягу.

Точнее, только что сжимавшей. Мгновенное движение Владимира, и Самар, сидя на растрескавшемся асфальте, ошалело уставился на свою пустую руку. Фляга покоилась в ладони Лазарева. На песок между кусками дорожного покрытия упало лишь несколько капель, тут же им проглоченных – и мокрых пятен не осталось.

– Если ты выпьешь свою норму сейчас, – спокойно проговорил Лазарев, – а ты ее выпьешь, потому что тебе захочется еще и еще – тебе не хватит воды, чтобы продержаться до конца маршрута. Ты начнешь слабеть, последует тепловой удар. Кому-то придется нести тебя, потому что мы не станем бросать тебя в пустыне только из-за того, что ты дурак. Это задержит всю группу. Мы не уложимся в установленный срок. Либо другим придется отдавать тебе воду, а мы и так держимся на грани обезвоживания. И ты снова подведешь всех товарищей. Все из-за того, что тебе не по силам вытерпеть какие-то три часа ходьбы. Вставай, – он резко рванул католика за плечо, небрежно поставив того на ноги. – Мэо, забери его воду. Выдашь дневную порцию во время обеда.

– Оперколон, – наигранно бодро отозвался скрипти. – Что-то я не уверен, что сам удержусь от искушения. Что, если собрать все запасы и передать кому-то одному из надежных людей?

– Инициатива наказуема исполнением, – глаза Владимира блеснули. – Вот ты этим и займешься. Колоны, прошу всех сдать фляги колону Самаши и разобрать его груз.

Крапивник шумно выдохнул. Я успокаивающе похлопал его по руке. Протянул Самаши свою фляжку.

– Вперед, – Лазарев отвернулся от скрипевшего зубами Самара и направился в голову колонны.

На ночевке нам с Крапивником выпало возиться с одним из пяти влагоголов. Хрупкое сооружение из шелка и палок постоянно норовило завалиться набок даже от легкого ветерка.

– Гены моих предков-ссылных вопиют от негодования, глядя на вашу криворукость, – Геккон опустился на колени рядом с нами. В руках он держал пару булыжников. – Вот так и так.

Он придавил камнями тонкие рейки. Снова налетел ветер, сооружение колыхнулось, но устояло.

– За консультацию будете должны, – насмешливо проговорил он.

– Интересно, мои руки достаточно кривые, чтобы воткнуть тебя головой в песок? – Крапивник подставил под влаголов биопластиковую миску.

– О, людская неблагодарность, – Геккон изобразил на лице мировую скорбь.

– Спасибо за помощь, – пробормотал я. – Мы здорово устали за этот переход.

– Хорошо иметь друга-«конфуция», – криво улыбнулся Крапивник. – Ладно, сочтемся,

Геккон. Спокойной ночи, схолколоны.

Фляги показали дно утром третьего дня, когда мы свернули со старой дороги – кончилась даже та скудная влага, которую удалось собрать за ночь на влаголовы. Жажда подкралась незаметно, последние капли смочили слизистую, позволив ненадолго ослабить ее. В небесах кружила черная точка – местный падальщик, конвоирующий нас последние сутки. Чем питалась птица до нашего появления, никто понятия не имел.

Сухопарая фигура Лазарева замаячила на вершине очередного увала. Я встряхнул головой – показалось, что оперколон призывно машет руками. Нет, не показалось – он что-то выкрикнул, и назад покатился радостный гомон. Все невольно ускорили шаги.

Черно-желтый флаг показался над барханом, даже прежде чем мы добрались до вершины. Крапивник вскинулся – и мы радостно завопили, выронив свою поклажу. Вокруг нас так же подпрыгивали с ликующими воплями друзья.

– Колоны, спокойней! – гаркнул Владимир. Его покрытые недельной щетиной щеки ввалились, но голос оставался твердым. – Будет неловко перед масейчаром, если мы ввалимся в кольцевик оравой сумасшедших!

Сам аппарат оставался скрыт увалами, пока мы не обогнули последний – здесь, ближе к предгорьям, они заслуживали названия полноценных скал. Рядом с кольцевиком дремали на песке два стюарда. Один был в традиционной для Орбитали униформе, второй, судя по всему, принимал солнечные ванны. На песке рядом стоял кейс-холодильник с бутылками холодного оранжада. Мы невольно скрипнули зубами от зависти.

Увидев наше прибытие, отдыхающий стюард резво подскочил и скрылся в кольцевике. Его напарник двинулся навстречу, неловко спускаясь по каменистому склону.

– Опертех, – Владимир коротко поклонился. – Учебная Шестая Сельскохозяйственная группа завершила прохождение испытания на выживание. Потерь нет, больных и тяжело травмированных нет. Доложил начальник группы оперколон Лазарев.

– Поздравляю с рекордом, – проговорил стюард дружелюбно. – Ваша группа прошла маршрут третьей по затраченному времени и первой – без травм. Конечно, мы не устраиваем тут гонки, но ваш результат заслуживает уважения.

– Рады слышать, – отмахнулся Лазарев. – У вас найдется питьевая вода для моих людей?

– Естественно, – стюард указал на кольцевик. Второй орбитальщик уже открывал на его борту лючок с рядом кранов. Мой язык напоминал подметку, но я заставил себя вытерпеть, пока двигалась выстроившаяся к кранам короткая очередь.

Уже в кольцевике, глядя, как расстилаются за иллюминатором просторы Атакамы, я нацепил свежезовращенные очки и освежил АС. Глянул на результаты прочих групп, проходивших испытание до нас, списки немногочисленных отчисленных, просмотрел данные талнахских друзей. Библус, Рыжая и Анастасия значились в списках прошедшими проверку, не нашел я их имен и в перечне пострадавших на маршрутах. Корчмарь тоже успешно справился с испытаниями – за «лисовина» мне и в голову не приходило беспокоиться.

А затем я неожиданно для себя запустил поисковый фильтр по нику «Ланцея».

Инфотехническая группа высаживалась не в Чили, а среди радиоактивных пустынь Туркменистана. Хотя на самом деле радиационная опасность этих мест была не особо выше,



чем от военных штаммов – на южноамериканском побережье, у меня вдоль позвоночника прошел холодок. Задворки Шелковицы были опасны не столько давным-давно отгоревшими следами грязных бомб, сколько скитающимися по этим местам мобильными бандами всех мастей и национальностей.

Конечно, наивно было думать, что Орбиталь позволит себе терять обученных колоннов от рук отщепенцев. Наверняка испытательный маршрут прикрывали целые стаи вардронов и корпуса наемников... Я торопливо перевел взгляд на результат Ланцеи и облегченно выдохнул – напротив ее ника горело зеленым «маршрут пройден, состояние здоровья в норме, рекомендации положительные». Я смущенно улыбнулся и сбросил фильтр, пока Крапивник не повернул голову и не увидел мою неосторожно пущенную в общем режиме АС-ку.

Наученный горьким опытом, я, несмотря на жару, натянул майку с длинными рукавами и купленную на одном из базарчиков Кито залихватского вида шляпу. Опертрейн Зума, увидев мой наряд, досадливо цокнула языком, но замечаний делать не стала. В конце концов, форма одежды в наземных службах Орбитали никогда не соблюдалась настолько же неукоснительно, насколько среди настоящих спейсеров.

Солнце, впрочем, уже садилось. Через пять минут можно было ждать взлета очередной девятичасовой ракеты. Хотя за последние пару лет это зрелище слишком приелось, чтобы обращать на него внимание. Разве что как повод оторваться от утомительного процесса сбора клубней.

Я вогнал лопату в землю, слегка копнул. Покрепче ухватил шершавый жесткий стебель и потянул на себя. Стряхнул землю с клубней и принялся обрывать их, складывая в весовое ведро. Коснулся иконки, занося данные в журнал уборки.

– Сколько? – подала голос работающая по соседству Филис.

– Восемь килограммов, – ответил я.

– Везет, – Филис оперлась на тонкую прозрачную перегородку, насеченную шестиугольниками. Та натянулась под ее весом, но выдержала. – Не одолжишь мне пару ведер?

– Схолколон, у вас слишком много учебных баллов? – осведомилась невидимая опертрейн Зума. – Следите за своим участком и не коситесь так часто на территорию схолколона Димера.

Арктанка досадливо поморщилась. Пальцы ее левой руки сложились в условный знак. Я невольно фыркнул. Оставалось надеяться, что Зума наблюдает за нашей работой через камеры, угол зрения которых не подходит для того, чтобы разглядеть жест, который на жаргоне спейсеров означает прорыв канализационного газа в систему воздухообеспечения.

Я вернулся к своей работе, изредка обмениваясь короткими вспышками-беседами с Гекконом и Крапивником. Чан с выкопанными клубнями и второй, с силосом, постепенно наполнялся. Наконец я обработал достаточную площадь, прикинул результат. Внес его в журнал. Запустил автоматический подсчет – получив второй, почти не отличающийся. И тронул третью иконку, запрашивая данные с почвенных мониторов.

– Четыре килограмма двести граммов на квадрат в среднем, – тут же произнесла опертрейн. – Неплохая урожайность топинамбура для целинных латеритов. Вы пересчитали норму внесения удобрений с учетом продленного сезона вегетации?

– Ну да, опертрейн. Мастрейн Каскос всегда старался направить наши мысли в сторону

практического применения на Кементари усвоенных знаний, вот я и подумал...

– Хорошо. Почти отлично. Показатели вашей пятерки... – голос Зумы заглушило грохотом девятичасовой ракеты. За прозрачными шестиугольниками оболочки погодного купола в небо потянулся столб огня и дыма. Затем опертрейн, по-видимому, включила шумодавы, – могли бы быть почти отличными, если бы вы более тщательно окучивали ряды, и превосходными, если бы вспомнили про то, что адаптированные к условиям Кементари сорта рассчитаны на двойной урожай с разрывом на сезон заморозков, Димер, – и теперь опертрейн осеклась, несмотря на работу шумодавов. За перегородкой Филис, взвешивавшая свою партию, застыла с ведром-весами в руке, ее глаза были подняты к куполу, а от лица отлила вся кровь.

Я вскинул голову. Как раз вовремя, чтобы увидеть закрутившуюся в петлю дымную колонну. Полоса бело-голубого пламени на ее вершине металась из стороны в сторону, шаталась, ложилась набок. Рухнула вниз, срываясь в крутое пике.

Вниз, к земле. Прямо на наши головы.

Оглушительно взвыла сирена.

– ЛОЖИСЬ!!! – вскричала опертрейн. Краем глаза я увидел, как растянулась на полу Филис, прикрыв голову руками. А я все смотрел на огненную струю с блестящей точкой посередине. Смотрел, как растет в небе голубое солнце, не догадываясь отбежать к ближайшему укрытию, хотя бы броситься самому на пол.

Высоко вверху распустился пламенный клубок. Гулкий тяжелый удар колыхнул купол.

Наконец-то я запоздало догадался плюхнуться в горячую землю. Раскаты грома перекатывались над Взлетным.

На их фоне высокий свист был почти не слышен. Свист нарастал – и завершился новым ударом, совсем слабым после предыдущего.

– Проклятье, – пробормотал чей-то голос в наступившей пронзительной тишине. Лишь вдаль продолжала завывать сирена. – Что за ...?!

Ругательство словно разрушило сковавшие группу чары безмолвия – и воздух под куполом наполнился проклятьями, криками ужаса, возгласами недоумения. Кто-то уже бежал к выходу из оранжереи, на выходе мигом образовалась пробка.

– Спокойно! – выкрикнул Лазарев. Встал у выхода, преграждая дорогу. – Мы ничем не поможем, если начнем метаться у аварийщиков на дороге, как стая баранов! Запросить АС!

Совет был здравым. Я торопливо развернул активную среду, увидев, как ослепительно полыхает сигнала общей тревоги. Коснулся ее. На подвсплывшем общем плане горели красные пятна в районе складов. Когда я обернулся в реальную сторону зоны падения, то увидел, как поднимается над куполами столб черного дыма.

– Ешкина мышь, – произнес совсем тихо стоящий рядом Крапивник. – Повезло, что подрывной заряд сработал вовремя. Если бы эта штука врезалась в резервуары...

Меня передернуло. Слишком живое воображение тут же нарисовало картину – ревущая стена пламени, рвущийся к небесам огненный гриб, грохот взрывов и свист разлетающегося металла. И крики горящих заживо людей.

Зуммер оповещения отвлек меня от мрачных картин.

На сей раз нас оповещали не синты – пожарная тревога не предусматривала подобные красоты. Самые обычные целеуказующие точки направили нас «по местам постоянного проживания» с запретом покидать их без особого указания. Зума торопливо извинилась за сорванное занятие, будто это была ее вина.

– Трое человек, – пробормотал я, глянув в АС. Мы стояли у дверей комнат – не настолько далеко, чтобы мониторы подняли тревогу, но достаточно близко друг к другу, чтобы переговариваться.

Взлетный строился с расчетом на подобные аварии, но никто не мог знать, что везущий упаковочную пленку и роботы грузовик окажется на пути раскаленного обломка сопла. Груз запылал мгновенно, огнетушитель не смог сбить пламя, жар огня ослепил сенсоры грузовика, и неуправляемая машина врезалась в операторский пульт, убив опертеху дежурной смены. Удар сорвал с петель дверь кузова, и охваченные огнем свертки рухнули на его злополучных напарников. Еще двое погибли сразу, двоим посчастливилось – они сейчас находились в медцентре, один со множественными ожогами, второй с отравлением угарным газом.

– Мне их тоже жалко, – ответил Крапивник и поежился. – Но, Димер, глубокий блок... Корабль падал аккурат на криогенный резервуар! Еще несколько секунд...

– И счет трупам шел бы на десятки, – подхватила Рыжая.

– Как минимум, – я кивнул. – А запуски накрылись бы дарвином на месяц, не меньше. Известно уже, что случилось с ракетой?

– Если и да, то мне забыли доложить, – хмыкнул Геккон. – Отказ двигателей, сбой контрольной системы, дефект оборудования... Это не первый случай в работе Орбитали.

– За последние десять лет – первый с человеческими жертвами на грунте, – возразил Крапивник. – И именно в тот момент, когда работа по постройке корабля выходит, наконец, на финишную прямую...

– Незадача, – Геккон развел руками. – Ну а чего ты ждал от проекта таких масштабов? Что он пройдет без аварий и несчастных случаев? Стоило бы удивиться, что работы до сих пор шли как по маслу. Наверное, потому что до них пока что не допускали никого из вас, растяп.

– Да? – Крапивник нервно стянул с лица «целестиал». Оглядел нас и понизил голос. – А вам не кажется странным, что безы до сих пор держат нас на приколе?

– А ты думал, тебе позволят отправиться на место падения и поглазеть на обгорелые обломки, затоптав параллельно ценные улики? – фыркнул Геккон и вдруг пристально поглядел на Крапивника. – Погоди-ка... Тебе что, шальным осколком по голове засветило? На что ты намекаешь?

– А ты угадай, – посоветовал Крапивник. – Или ты веришь, что проверенная раз по пять ракета чисто случайно отказала прямо над космодромом, и свалилась в неуправляемый штопор, который опять же случайно нацелил ее именно в заправленный не далее как вчера резервуар? Можешь верить и дальше, если тебе так спокойнее.

– Ребята, – поспешил я вмешаться. – Если даже и так... Олег, я бы на твоем месте не стал орать об этом посреди коридора. Или тебе и впрямь хочется наведаться в АстроБез?

– Вы оба параноики, – Геккон покрутил пальцем у виска. – Внимание, господин опербез, говорю под запись. Когда будете расстреливать этих двоих за болтовню и паникерство – прошу билет в первых рядах. На сем заканчиваю и удаляюсь на ужин. Желающим разрешаю присоединиться.

– Вот уж про пожрать этот тип не забудет даже на другой планете, – прокомментировал Крапивник, глядя в спину хлопчущего в кухонном отделении комнаты Геккона. – Как вы друг друга выносите?

– Приспособились за два года.

– Что ж, лично я хочу выспаться перед завтрашним медосмотром, – заметила Рыжая. – Олег, если ты не собираешься ужинать – хотя бы не засиживайся допоздна, – она потянулась, сладко зевнув, и скрылась за собственной дверью.

Свежий ветер дул в лицо, наваливаясь на грудь и заставляя пригибаться. В прошлый наш визит сюда шум моря на палубе был едва слышен, теперь же волны грохотали, разбиваясь о стальную обшивку. Всю юго-восточную сторону горизонта затянуло темной стеной ливня.

Конечно, «Стартовой» был не страшен и полноценный двенадцатибалльный ураган, но вот о тандеме этого было сказать нельзя – техника безопасности полетов запрещала их подъем уже при силе ветра тридцать пять километров в час. Судя по показаниям анемометров «Стартовой», сейчас порывы ветра достигали скорости в двадцать восемь километров. Если ветер усилится еще немного – корабль, ждущий нас на ВВП, придется возвращать в кормовой ангар, а нам – торчать в каютах, пока непогода не уляжется, или пока КирибатиМетео не поднимет свои кольцевики для разгона шторма.

Лазарев, о чем-то совещавшийся с моряками Орбитали в полусотне метров от нас, теперь направился широким шагом в нашу сторону. Стоящий рядом человек со знаками различия оперспейсера последовал за ним.

– Поздравляю, схолколоны, – проговорил Владимир довольно. – Диспетчерская дает добро на взлет. Шторм проходит стороной, и у нас есть неплохой взлетный коридор.

– Прошу организованно и согласно айдимам пройти в пассажирский отсек, – добавил космонавт. – Не забудьте пристегнуть ремни. На разгонном участке будет небольшая перегрузка.

«В крайнем случае, нас уже натаскивали прыгать с глайдершутом» – догнала меня язвительная беседа-рассылка Корнера у аппарели тандема.

Учебно-тренировочная «виверна» сильно отличалась от своих грузопассажирских собратьев. Крылья отделяемого модуля, рассчитанного на аэродинамическую посадку, в размере почти сравнились с плоскостями носителя, топливные баки, напротив, были сравнительно небольшими – «виверна» проектировалась не для стыковок с высокими трекерами и разгонниками.

Пассажирский салон «виверны» внутри представлял собой лишенное всяких иллюминаторов и обзорных дисплеев пространство, заполненное четырьмя рядами по двенадцать кресел в каждом. В носовую часть тандема вели два коридора, первый прямой, как стрела, второй имел несколько поворотов. Отсюда мне было не разглядеть расположенные ближе к носу аппараты, но из изученных накануне схем я знал, что там размещены испытательные тренажеры и медоборудование, за которыми находится пилотская кабина.

Крепления захлопнулись с сухим щелчком. На схеме салона одно кресло за другим вспыхивало зеленым.

– Проверить готовность и доложить, – тем не менее, скомандовал спейсер. – Убедитесь, что ни у кого из вас нет при себе мелких незакрепленных предметов. В полете они могут создать проблемы. Закрепите айдимы. Рассчитайтесь по порядку номеров!

Короткая переключка завершилась, когда на настенном табло и параллельно – в очках уже сменялись цифры обратного отсчета. Снаружи давно завершилась возня со шлангами, проводами и отстыковкой крепежа. Очки спроецировали на переборки изображение палубы «Стартовой» и океана вокруг. Не слишком хорошее – пластиковые стены отсека плохо

подходили в качестве замены фоновым панелям, но нам было не до таких тонкостей.

«Виверна» завибрировала, под нами родилось тихое гудение. На дисплее сменялось «тридцать... двадцать... десять...». Меня пробрала легкая дрожь. Наша группа прошла тренировки на центрифугах и качелях, в термо- и барокамерах, но нам впервые в жизни предстоял настоящий полет в космос.

– Пять, – принялся я считать про себя в такт бегу цифр. – Четыре. Три, два, один!

Пол качнулся, мы ощутили движение тандема. На визорах заскользила назад палуба. Тандем набирал ход, двигатели грохотали все сильнее. Детали обстановки слились в смазанные полосы. Носовая часть надвигалась, сперва медленно, а затем вдруг – с головокружительной скоростью. На секунду мне показалось, что, перемахнув ее, мы рухнем в океан – и подумав так, я вдруг понял, что палуба давно закончилась, а «виверна» поднимается над морскими волнами. Тандем набирал высоту, устремляясь к нависшим серым облакам. Ненадолго мелькнул внизу крохотный, будто игрушечный, силуэт грузового парусника, уходящего на аварийной тяге от шторма – а затем все окутала серая пелена тумана.

Я покрутил болл, выбирая настройки обзора. Облака сделались полупрозрачными, справа по борту засверкали молнии и стала видна густая вращающаяся масса – центр тропической депрессии. Мы уже поднялись над бурей. Грохот двигателей, все усиливающийся, внезапно стих – так внезапно, что я попытался потрясти головой, чтобы прочистить уши. Естественно, мне помешали крепления. Я сглотнул и понял, что рев не прекратился, всего лишь стал тише, но на фоне прежнего воя казалось, что в уши вставили по мягкой затычке.

Тандем вырвался из туч. Мы мчались над залитой солнцем ослепительно белой равниной. Я скосил глаза, провожая взглядом коловращение шторма. «Виверна» мчалась среди сияющих облачных башен, с каждой секундой поднимаясь над ними. Еще несколько минут – и небо из голубого сделалось сперва густо-синим, затем фиолетовым, а потом сетчатку ужалили первые огоньки звезд. Восторженно заорав, я ткнул Крапивника локтем и удостоился насмешливого взгляда от спейсера. Покраснев, я продолжал наблюдать за стремительно темнеющим небосводом и проваливающимся вниз горизонтом.

– Эй, зелень! – не по-уставному обратился к нам спейсер. – Полминуты до расстыковки. Приготовиться к перегрузке!

Я глубоко вдохнул и постарался расслабиться в кресле. На дисплее вновь замелькал обратный отсчет.

Рывок! Вот теперь в тандеме воцарилась настоящая тишина. Желудок подкатил к горлу, когда я ощутил, как внезапно мы устремились в бездну. И тут же, не давая опомниться – удар, выбивающий воздух из легких! Тишина взорвалась гулом ракетного двигателя. Перегрузка нарастала, сковывая тело не хуже креплений, вдавливая руки в подлокотники. Салон будто запрокинулся, растущая тяжесть давила на грудь.

– Не забывайте дышать, – посоветовал нам орбитальщик. В его голосе звучало легкое напряжение.

Мне казалось, что ребра вот-вот затрепчат. Я сделал натужный вдох, еще один. В Центре поговаривали, что на тренировочных полетах спейсеры специально ведут корабли с ускорением выше экономичного, чтобы дать новичкам прочувствовать всю прелесть перегрузки. Кажется, нас не запугивали.

Невесомость и тишина вернулись так же внезапно, как и пропали. Я судорожно вдохнул,

чувствуя, как уходит из-под ног поверхность. Вцепился в подлокотники, и только когда я ощутил под руками твердую поверхность, головокружение немного отпустило.

Я медленно поднял руку, расслабил мышцы. Посмотрел на плавающую перед лицом пятерню.

За бортом расстилалась испещренная звездами пустота. Звезды были совсем не такими, как на Земле. Вокруг горели немигающие, колючие, яркие и крохотные иголочки света, проткнувшие мрак. И их было больше – куда больше, чем видно в самую звездную ночь. Солнечный свет падал с абсолютно черного неба, под нами расстилалась Земля, укрытая облачным покровом.

– Внимание, – спейсер отстегнулся и завис в воздухе. – Снять очки. По моей команде отстегиваем крепления, и двигаемся к тренировочному ходу. Проходим сквозь него, Чарльз подключает вам медсканеры, и вы ползете обратно через главный коридор. Задача – уложиться в четыре минуты. Всем понятно? Тогда начали. Номер первый!

Лазарева сперва завертело в воздухе, но он сумел дотянуться до скобы и погасить вращение. После чего скользнул в туннель так проворно, что можно было подумать, будто владиросец не впервые на орбите.

– Номер второй, пошел!

Я числился под шестым номером, и у меня было время пронаблюдать, как скрывается в тренировочном коридоре вереница товарищей. Конечно, наша подготовка и в подметки не годилась тренировкам спейсеров, но Орбиталь считала, что люди, готовящиеся совершить межзвездный перелет, как минимум не должны беспомощно барахтаться, оказавшись в состоянии свободного падения. А потому – занятия в гидробассейне, в почти таком же комплексе. Оставалось надеяться, что они помогут и в реальной обстановке.

– Номер шесть, пошел!

Расщелкнуть замки, оттолкнуться. Разница между гидроневесомостью и настоящим свободным падением ощущалась сразу. В воде ты не врезаешься головой в потолок, если толчок оказался чуть сильнее нужного. Хорошо еще, переборка покрыта мягкой обивкой... и плохо, что тонкой.

Я ухватил скобу, перебирая руками, принялся подтягивать себя к люку. Спейсер доразогнал меня толчком в загривок.

Коридор был достаточно узок, чтобы вызвать у иных приступ клаустрофобии. Я на нее никогда не жаловался и лишь порадовался, что стенки достаточно близко ко мне, чтобы отталкиваться от них руками. Ход освещали только три узенькие полоски красной светоленты, так что я, сдерживая тошноту, едва не пропустил развилку – прямой ход вел в тупик, выбраться из которого и при нормальной-то гравитации было сложновато, в носовую часть вводил еще более тонкий боковой лаз. Через метр от поворота я напоролся (в прямом смысле) на задраенный люк. Торопливо раздраил его, понесся по коридору. Новое препятствие – поворотный шлюз – сожрало еще полторы минуты, и из испытательного тоннеля я вывалился, дыша, будто прохуdivшийся компрессор.

– Пять двадцать, – флегматично заметил второй дежурный. – Приемлемо. Расстегните накидку.

Блестящие диски и ленты медсканера захолодили грудь, запястья и виски. Я неуклюже застегнулся. Когда я вплывал в прямой, как луч, основной туннель, из испытательного уже показалась голова следующего начинающего космонавта.

Вернувшись под присмотром спейсера в кресло, я наконец расслабился и принялся

рассматривать космическое пространство через «целестиал». Над кораблем скользили звезды, летела навстречу поверхность Земли. Солнечный диск коснулся горизонта – и Землю и космос разделила пылающая всеми цветами радуги великолепная космическая заря. Затем «виверна» окунулась в ночь.

Под нами распростерлась черная гладь Атлантики. Будь наша орбита больше наклонена к полюсу, и мы бы могли увидеть в ночи огни британских морских полисов и акваферм. Но мы оставались в плоскости экватора, и лишь однажды прямо под нами очки высветили огонек – дежурила посреди океана «Стартовая-2», год назад сошедшая с верфей Медитеррана. Даже парусники КФ и Шеньян-Ксин не было заметно в темноте.

Последним через туннель шел Мигель. С нащепками сканера он пристегнул себя к креслу, и наступила долгая тишина. Оборудование спейсеров переваривало наши данные, а экипаж выжидал, пока «виверна» не завершит очередной виток вокруг земного шара. К этому моменту солнце успело четырежды закатиться и подняться у нас по курсу, и зрелище космических восходов и закатов перестало вызывать благоговейный трепет.

О морской болезни я успел позабыть, видимо, вестибулярный аппарат смирился с тем, что его обладатель чересчур долго летит вниз для простого падения. Над Тихим океаном спейсеры развернули корабль хвостом вперед, готовясь к тормозящему импульсу.

Перегрузка уже привычно вдавила нас в кресла. Заработали двигатели, гася скорость. «Виверна» вновь развернулась носом по курсу. Через некоторое время началась вибрация, сперва еле заметная, затем корабль начало трясти ощутимо. Внешние сенсоры оттранслировали на очки, как носовой обтекатель украсился огненным цветком, как срываются с него и мчатся вдоль обшивки потоки плазмы – и картинка вырубилась.

– Ха! В случае чего, нам обеспечен по-настоящему теплый прием! – пошутил я через силу, обернувшись к Олегу.

Тот ухмыльнулся, хотя на его лбу проступили мелкие капли пота. Мы сидели, вцепившись в кресла. Я старательно напоминал себе, что «виверна» не первый раз входит в атмосферу и абляционное покрытие рассчитано на тепловой поток.

Тряска достигла максимума, заставив наши зубы дробно стучать в такт вибрации, затем понемногу сошла на нет. Сенсоры включились. Мы неслись над каменистыми вершинами Анд, вдалеке блестела на солнце озерная гладь, а между ней и кораблем – раскинулись стальные цветы стартовых столов «Взлетного».

Общий вздох облегчения пронесся по салону. «Виверна» снижалась, озеро скрылось за горизонтом, фермы и резервуары космодрома росли на глазах. Затем и они качнулись в сторону, когда корабль ушел левее, и под нами раскинулась протянувшаяся через все плато, сглаженная бульдозерами бетонная поверхность, исчерченная разметкой.

Касание вышло таким гладким, что я и не понял – корабль уже не снижается, а мчится по ВПП. Только когда нас слегка потрянуло и за кормой стали распускаться купола тормозных парашютов, до меня дошло, что первый в моей биографии подъем на земную орбиту завершился успешно.

Когда «виверна» выкатилась на рулежную дорожку, заглушила двигатели и крепления кресел автоматически отстегнулись, мы дружно разразились аплодисментами. Спейсер окинул нас безразличным взором.

– Сдадите медсканеры в тренировочном комплексе, – обронил он. – Можете покинуть корабль.

Трибуна тонула в сиянии. Мощные прожекторы обычно использовались для освещения погрузочных путей ракетных терминалов. Теперь же их сняли с ферм и приспособили на грузовики, нацелив на спешно возведенную на центральной площади Центра конструкцию.

Несмотря на позднее время, площадь была забита до отказа. Не часто все учебные группы Проекта собирались в одном месте. Тренировки сегодня завершились в четыре вечера – необычно рано для нашего сверхуплотненного распорядка. Хотя в последнюю неделю они свелись к медосмотрам и экзаменам на знание усвоенного. Прекратились отчисления с курсов – оставшиеся участники Проекта тренировались не за страх, а за совесть.

Я переминался с ноги на ногу. Хорошо, что дувший с гор ветерок обдувал площадь, спасая нас от жары.

– Когда наконец они начнут? – поинтересовался я в пространство.

– И не говори, – ответил через запущенную беседу Библус. – Клянусь Мамой Гидрой, могли бы хоть стулья расставить.

– Не нойте, – добродушно буркнул Крапивник, поддерживая Рыжую под руку. – Мы ждем всего-то двадцать минут, если у кого сбилась АС-ка. Считайте это очередным тестом.

Я подозвал один из летающих над головой харидотов, разжившись четырьмя банками тоника. Три раздал товарищам, четвертую открыл и сделал долгий глоток.

В этот момент АС запищала маячком. Я чертыхнулся, проглотив тоник. Прожекторы крутнулись, скрестив лучи на знакомой невысокой фигуре. От нее отделились пятнадцать синт-облачков, на ходу трансформируясь в точные копии Тро, поплывшие к тележкам, равномерно распределившись среди толпы. Самаши, забравшийся на один из самоходных помостов, помянул Вычеркивание, когда изображение сделало повелительный жест, сгоняя его с тележки.

– Колоны, – негромко, как всегда, произнес Гарольд. – Поздравляю вас. Все, здесь стоящие, признаны полноправными участниками Проекта Кементари. В ближайшие несколько дней ваша подготовка завершится, и вы приступите к преанабиотическим процедурам. Старт экспедиции назначен на двадцатое мая.

Тишина – и грохот аплодисментов, разнесшийся над площадью. Возгласы радости заглушили дальнейшие слова Тро, и масейчару пришлось разослать через АС дополнительный сигнал. Общая волна ликования захватила и меня – я понял, что радостно ору и прыгаю на месте, размахивая над головой пустой банкой. Недовольно зашипев, Рыжая пихнула меня локтем в бок – брызги тоника угодили ей в лицо.

– Извини! – Я обернулся обратно к ближайшему синту Тро.

– «Семя» завершено и проходит ходовые испытания. В ближайшие десять дней мы планируем начать процедуру заправки корабля. И позвольте представить вам его командира.

Подсветка – как прожекторная, так и АС-проекция – передвинулась вправо от Тро, обрисовав коренастого и плечистого человека в униформе масспейсера. Я увеличил изображение – и тотчас узнал изборожденное морщинами лицо.

Его обладателя узнала бы в лицо, наверное, половина местной сети.

– Капитан Хейм, – Тро поклонился. – Ваше согласие возглавить экипаж – большая честь для Проекта Кементари.

Раздавшиеся аплодисменты едва не стоили мне барабанных перепонки. И отбитых



ладоней до кучи.

Рикард Хейм, человек-легенда. Бортинженер «Комарова» в составе второй экспедиции посещения в системе Урана. Спаситель лунной станции после Герлахского импакта. Командир «Комарова» при первой экспедиции к Нептуну. Первый человек, высадившийся на поверхность Тритона. Единственный, доведший зонд на ручном управлении до границ нептунианской зоны конденсации. Удостоен Гагаринской Звезды и дважды Оттавой – звания Героя Человечества.

Легендарный капитан козырнул Тро. Обернулся к трибунам.

– Мне и не снился такой финал карьеры, – гулко произнес он. – Первым из людей вести корабль к другим звездам. Вам спасибо, колонны!

Площадь снова взорвалась аплодисментами, но Хейм не закончил. Он вскинул похожую на медвежью лапу ладонь, призывая к тишине – должно быть, не привыкнув работать с ораторскими интерфейсами.

[Купить полную версию книги](#)